

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

Йон Айвиде Линдквист
ХИММЕЛЬСТРАНД

Мастера ужасов

Юн А. Линдквист

Химмельстранд. Место первое

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.113.6
ББК 84(4 Шве)

Линдквист Ю. А.

Химмельстранд. Место первое / Ю. А. Линдквист —
«Издательство АСТ», 2014 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-111500-5

Четыре семьи, путешествующие в трейлерах и заночевавшие на стоянке в кемпинге, просыпаются в ином мире. Здесь нет солнца, нет ничего, кроме травы до самого горизонта, здесь почва моментально впитывает кровь, все, что посажено в землю, начинает тут же расти. Каждый из героев оказался здесь не случайно, но никто не может признаться в этом даже себе, пока на горизонте не появляется что-то странное. Что-то страшное. И оно движется к попавшим в ловушку людям. Странники поневоле еще не знают, что новый мир полон сюрпризов, что совсем рядом с ними таится настоящий монстр, и даже самые жуткие кошмары и глубинные страхи – еще не худшее, что их тут ждет.

УДК 821.113.6

ББК 84(4 Шве)

ISBN 978-5-17-111500-5

© Линдквист Ю. А., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

«Подумай, как мало мы знаем...»	6
Часть I. Около	7
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Йон Линдквист

Химмельstrand. Место первое

John Ajvide Lindqvist
Himmelstrand. Den Forsta Platsen

© John Ajvide Lindqvist, 2014
© Сергей Штерн, перевод, 2019
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается памяти Петера Химмельstrandа (1936–1999)

«Подумай, как мало мы знаем...»

Недостатки и слабости, душевные занозы – вот что главное.

Злой человек, добрый, способный или бездарный – вроде бы сразу видно. Но первое впечатление – всего лишь первое впечатление. У каждого есть червоточинка. Он может и сам про нее не знать. Попала песчинка в раковину, а что вокруг нее вырастет, жемчужина или смертельная опухоль, – никому не известно. В первую очередь самому моллюску.

Сломался зубчик шестеренки – и сложная, огромная машина не работает. Или работает так, что лучше бы вообще не работала. Картину определяет неверный мазок, диссонанс портит музыкальную пьесу. Или, наоборот, делает ее в сто раз интереснее, но это уже другая история.

Без маленьких слабостей и недостатков мы были бы похожи на хорошо смазанный механизм. Действия и мысли идеальных людей, людей без недостатков, легко смоделировать на компьютере – хватило бы только мощности процессора. Но такое не произойдет никогда. Недостатки не укладываются в расчеты, поскольку до поры до времени никак себя не проявляют. Недостатки подвигают нас на великие деяния и омерзительные преступления.

Уж если на то пошло, именно недостатки и делают нас людьми: несовершенными и оттого поразительно интересными. А можно сказать и так: недостатки превращают нас в червей, ползающих между небом и землей в поисках чего-то необъяснимого и, скорее всего, несуществующего. Чего-то, что могло бы заполнить зияющую в нас пустоту.

Но и в том и в другом случае наши дефекты становятся главной движущей силой, знаем мы про них или нет. Как и всё в мире, они подчиняются неумолимому закону природы: при достижении критической массы количество переходит в качество. Мы становимся другими. Многие поступки, кажущиеся необъяснимыми, совершаются как проявление и продолжение наших слабостей.

Вот вам пример.

Итак, я зажигаю свечу.

Часть I. Около

- Мама, посмотри!
- Что тебе надо?
- Ну посмотри же! Там ничего нет.
- Ты хоть раз можешь дать маме поспать?
- Я же говорю – там ничего нет!
- Чего нет?
- Ничего. Ничего там нет.
- Если хочешь покапризничать, разбуди отца.
- Мам... почти ничего нет.
- О чем ты?
- Посмотри сама.
- Куда я должна посмотреть?
- В окно. Мамочка, я боюсь. Почти ничего нет.

Изабелла Сундберг приподнялась на локте. Ее шестилетняя дочь Молли стояла на коленях около кровати. Изабелла отодвинула дочь и потянула в сторону занавеску.

- Рука, уже приготовленная для раздраженного указующего жеста, опустилась.
- Первая мысль: задник. Кулиса. Что-то искусственное, театрально-нереальное.
- Но нет, открывшаяся ей картина была подчеркнута трехмерной.
- Не кулиса. Не задник.

У Изабеллы закружилась голова. Она потерла глаза, словно стараясь стереть нелепое видение. Но видение никуда не делось, как и нытье Молли. Она повернулась на постели, ткнула мужа коленкой в зад и отодвинула вторую половину занавески. Несколько раз закрыла и открыла глаза, сжала зубы и отвесила себе оплеуху. Очнуться, проснуться, прийти в себя... Дочь от удивления замолчала. Щека загорелась, но за окном ничего не изменилось.

- Муж что-то пробормотал во сне. Изабелла потрясла его за плечо.
- Петер, проснись же, черт бы тебя побрал. Тут кое-что произошло...

* * *

Через полминуты Стефана Ларссона разбудил хлопок двери где-то поблизости. В кемпере очень жарко – пижама прилипла к телу. Пора кончать с этим – у всех давно стоят кондиционеры. Сегодня они едут за покупками. Кондиционер для дома на колесах. Кажется, надо заказывать, в открытой продаже таких, скорее всего, нет, но уж пару настольных вентиляторов – обязательно.

- Бим-бим-бим... бом.

Сын Стефана Эмиль что-то бормочет наверху в спальном алькове – как всегда, погружен в мир своих детских фантазий.

Что-то не так. Он, не вставая, потянулся за очками в толстой черной оправе и огляделся.

Кемпер, старый верный слуга... все как обычно. Куплен лет пятнадцать назад, и за плечами как минимум столько же. Но со временем, после множества отпусков, он стал им настоящим другом, а друзей не продают по объявлению в «Блокете». Сколько раз они останавливались не в кемпинге, а посреди дикой природы, на какой-нибудь поляне, и наблюдали за фантастическими повадками птиц!..

- Нет, друзей не продают. Да никто и не даст за него больше пяти – десяти тысяч.

Сквозь тонкие занавески пробивается свет. Потертые стены, редкие капли из крана, надо бы поменять прокладку... все как обычно. Ничего странного.

Карине тоже жарко – сбросила одеяло во сне. Повернулась к нему спиной – линия бедра как у Венеры Веласкеса. Стефан приблизил лицо – солоноватый запах тела, на лбу – жемчужные капли пота. Срочно нужен кондиционер. Или вентиляторы. Вентиляторы, вентиляторы... вентиляторы. Сказано – сделано. Будет сделано. Главное – не забыть.

На плече – татуировка: два символа бесконечности. Тоска по вечной любви... накололась еще в юности.

Он обожает Карину. Странное, высокопарное слово, но лучше не скажешь: «*Я ее обожаю*». Обожаю и обожествляю – разве это не одно и то же?

Улыбнулся и замер. Понял, что показалось ему странным. Тишина. Уже без четверти семь, в это время в кемпинге обычно бурлит жизнь. А сейчас, если не считать ровного дыхания Карины и неразборчивого бурчания Эмиля, – ни звука. Не жужжат кондиционеры, молчат кофемолки. Полная тишина. Лагерь затаил дыхание.

Стефан поднялся на две ступеньки и отодвинул люк на антресоли.

– Привет, старичок! С добрым утром.

Эмиль не обратил на него ни малейшего внимания. Он вдувал плюшевому утенку:

– Почему я? Это не мое дело. Нет, не мое... – он внезапно повернулся к потрепанному одноглазому медведю. – Бенгтссон! Пушками займешься ты.

Стефан улыбнулся, пошел налить воды в контейнер кофеварки и услышал голоса снаружи.

Футболисту с женой тоже не спится. Дочка жметесь к бедру матери, а та, раздраженно отмахиваясь, что-то выговаривает мужу.

Стефан отодвинул занавеску и немного понаблюдал за семейной ссорой. В параллельной реальности эта женщина наверняка бы его возбуждала. На ней ничего нет, кроме трусов и лифчика, фигура – типичная реклама нижнего белья... на такую любой западет, но у Стефана есть принципы. Это вопрос собственного достоинства. И не только.

Он закрыл кран, насыпал в фильтр кофе и нажал на кнопку. Красная лампочка не зажглась. Нажал еще раз, проверил контакт в розетке – никакой реакции.

Обесточка.

Только этого не хватало.

Теперь ясно, почему так тихо.

Он машинально перелил воду в кастрюлю и поставил на плиту. И что? Хлопнул себя по лбу – идиот. Ясно же – обесточка. Плита, само собой, тоже не работает.

Надо подключать газовый баллон.

Еще раз поглядел на ссорящуюся супружескую пару и поднял глаза.

Голубое, без единого облачка, летнее небо. Можно быть уверенным, что...

У него перехватило дыхание. Оперся руками о край мойки и нагнулся поближе к окну. Что это... сосущее чувство под ложечкой, как при сильном приступе головокружения. Ухватился покрепче. Показалось – если отпустит мойку, упадет. Провалится в пустоту.

* * *

Петер нащупал в кармане конфетную обертку и теперь мял в сжатом кулаке, прислушиваясь к слабому шороху в кармане. Изабелла кричала, а он мысленно выбирал точку на ее щеке, куда опустится его ладонь. И опустилась бы, не найди он зудящей ладони занятие.

– Как можно быть таким идиотом! Напиться как свинья и оставить ключи в машине! Любой сукин сын сядет за руль и уволочет нас в эту... эту...

Надо удержаться. Если он ее ударит, баланс нарушится, временное перемирие рухнет, и жизнь окончательно превратится в хаос. Как-то не выдержал и все же вlepил ей пощечину. Удовлетворение получил, но что началось потом! Конечно, физически он сильнее, но ее мастерство в психических истязаниях несравненно выше.

Десять тысяч. Нет, *двадцать* тысяч. Двадцать тысяч он без колебаний отдал бы за пять минут молчания. Всего пять минут – спокойно подумать, попытаться найти объяснение. Упреки Изабеллы сыплются как град, струна самоконтроля вибрирует так, что вот-вот порвется, и единственное, что остается, – комкать в кармане хрустящую конфетную обертку.

Молли жметя к ноге матери и играет роль испуганного ребенка. Играет, надо признать, замечательно, только иногда переигрывает, и Петер прекрасно понимает, что ей вовсе не страшно. Детская психика поистине непостижима. Все происходящее для нее – забавное и увлекательное приключение.

Петер резко повернулся – кто-то деликатно прокашлялся за спиной. Этот парень в толстых очках из соседнего фургона. Зануда. За километр видно. Но очень кстати – Изабелла замолчала, а Молли с любопытством уставилась на соседа.

– Извините... вы не знаете, что происходит?

– Нет... – Изабелла пожала плечами. – Может, вы нам расскажете?

– Мне известно не больше, чем вам. Все почему-то исчезло.

Изабелла раздраженно потеряла шею.

– И вы туда же? По-вашему, кто-то явился, щелкнул пальцами – и все исчезло? Кемперы, киоск, сервисный дом и уже не знаю что. Чудес не бывает. Они нас просто-напросто куда-то *перевезли*.

Очкарик посмотрел на то, что осталось от кемпинга в Салуддене.

– Не только нас. И кто – они?

Молли потянула мать за резинку трусов.

– Кто «они», мам? Кто нас перевез?

* * *

Четыре прицепа-кемпера, в них запряжены четыре машины.

Кемперы разных моделей, размеров и годов выпуска, но все белые. Машины разные, из них две «вольво». Все, само собой, с буксирными крюками, а у двух еще и багажник на крыше.

И четверо туристов: трое взрослых и ребенок. Остальные, наверное, спят сладким сном – им и невдомек, что произошло.

Четыре прицепа-кемпера, четыре машины, четверо туристов – и газон. Подстриженный, как на футбольном поле, газон, три сантиметра, не больше. Во всех направлениях, насколько хватает глаз. Аккуратно подстриженный газон.

И ничего больше.

Конечно, неизвестно, что там, за линией горизонта, под землей, в стратосфере. Но на первый взгляд – пустота. Совершенная, безупречная пустота. Если не считать людей. А каждый человек, как известно, – целая вселенная.

Петер присел на корточки, провел рукой по траве и вздохнул.

– Где мы? – Вопрос Стефана повис в воздухе. – В жизни не видел ничего подобного.

Петер усмехнулся:

– Да? А уж я-то насмотрелся. Полжизни провел на такой травке. Сначала футбол, потом гольф. Но здесь... как ее удалось так подстричь? Километрами...

И в самом деле – пейзаж напоминает ровное поле для гольфа. Стефан вырвал пучок травы и растер между пальцами. Трава как трава, с прилипшими к корешкам комочками земли. Не синтетика. Чтобы поддерживать поле в таком состоянии, нужна целая армия газонокосилок.

А может, такой сорт травы? Вырастает до трех сантиметров и останавливается. Отдает честь – дескать, все. Больше не расту. Задание выполнено. Но, кажется, такой травы в природе нет. До сих пор не было.

Подошли Молли и Изабелла. Мать – настоящая красавица, и дочь не уступит. Длинные волнистые волосы, кругленькая мордашка, розовая ночная рубашонка с изображением сказочной принцессы, очень похожей на нее саму. И Петер – коротко стриженный блондин: волевой подбородок, узкие бедра, широченные плечи с проступающими под футболкой мускулами.

Три близких к физическому совершенству существа, даже в каталоге ИКЕА они выглядели бы красавцами, а здесь, в дешевом и потрепанном кемпинге, и подавно. Странно: во внезапно и резко изменившейся среде обитания они смотрелись совсем уж нереально. Бескрайний газон представлял куда более изысканную сценографию для феноменальной красоты Изабеллы, чем полуразвалившаяся площадка для мини-гольфа, которая еще вчера была на том месте, где она стоит.

Но именно Изабелла раздражена и взволнована больше других.

– Идиотизм какой-то... Где мы, черт подери?

Взгляд Стефана остановился на элегантном черном джипе, запряженном в кемпер идеальной семьи.

– У вас есть джи-пи-эс?

Петер хлопнул себя по лбу и спортивной трусцой побежал к машине. Остальные двинулись за ним. Молли посмотрела на Стефана. Он ей улыбнулся, но безответно.

Петер открыл машину.

– Подождите немного...

Нажал кнопку, мотор тихо и мощно заурчал. Что-то изменилось в осанке Петера: откинул голову, слегка приподнял плечи. Поерзал на водительском сиденье.

Экран навигатора окрасился в синий цвет, потом мелькнула какая-то картинка, и появилась карта.

Молли потянула Стефана за брюки. Ясные голубые глаза уставились на него, не мигая.

– Почему ты не смотришь на маму?

* * *

Бенни уже пару минут как проснулся. Лежал в своей корзинке в пристроенной к кемперу палатке и пытался понять.

Странный свет. И запахи странные.

Услышал человеческие голоса, прижал уши и подвигал носом. Попытался различить знакомые запахи.

Бенни семь лет. Он привык к кочевой жизни. Пришлось примириться с совершенно чуждой собачьему нутру концепцией механического перемещения из одной точки пространства в другую. Люди садятся в свои машины или в конуры на колесах, кемперы, как они их называют... шум, тряска – не успеешь оглянуться, ты уже неизвестно где. Другие запахи, другие звуки, другое освещение.

Но на этот раз никакого перемещения не было. Никто никого не перемещал – и, несмотря на то что никто никого не перемещал, Бенни сразу понял, что он в другом месте. Не в том, где заснул.

Лучше пока оставаться в корзине и носа не высовывать.

* * *

– Петер, пойми наконец – твой навигатор не фурычит. Врет как сивый мерин.

- Никогда не врал.
– Никогда не врал, а теперь врет. Оглянись, хрен моржовый... есть хоть что-то похожее на то, что показывает твой... нахуятор?
– Я только хотел сказать, что...
– Мам, а где мы?
– Твой папа пытается узнать. Тычет в свою машинку, а она не работает.
– С чего бы ей не работать? Видишь зеленую стрелку? Она маркирует позицию...
– Петер, мне насрать на твою стрелку. Она сломана! Дураку ясно – она сломана. Постучи по экрану. Может, знаешь какое-нибудь заклинание? Пошамань...
– О'кей, Изабелла. О'кей. Ты все сказала?
– Мам, почему папа такой грустный?
– Потому что я случайно унизила его мужское достоинство... Он никак не может сообразить, что нас *перевезли*. Перевезли! А он никак не может с этим примириться. Считает, что мы там же, где были вчера.
– Нет... мы же не там же.
– Вот именно. Ты понимаешь, и я понимаю. А папа пока не понимает. До него не доходит. Может, когда-нибудь и дойдет, а пока он чувствует себя дурачком. Вот и грустит.

* * *

- Бум.
Лазерный луч ударил в крыло космического корабля.
Бим-бим-бим.
Метеоритный дождь. Нажать кнопку. Ультразвуковой удар с магнитным компонентом. Метеориты превращаются в пыль, но...
Бум-бум.
Лазер, внимание, внимание, лазер. Возможности исчерпаны, корабль падает на Солнце.
Помогите...
На антресолях жарко. Очень жарко.
Язык липнет к небу, очень хочется пить. Но спускаться лень. Мама похрапывает внизу, папа куда-то вышел. За стеной кемпера разговаривают, что говорят – не разобрать, но голоса возбужденные. Эмилю неинтересно, о чем они спорят, – они всегда спорят и в конце концов договариваются. Он выстроил своих зверушек вокруг Бенгтсона, плюшевого медведя. Всю команду: Черепашку, Бунте, Хипхопа и Сабре – и обвел их взглядом.
Мы здесь. Ты нам нравишься.
Эмиль слизнул пот с верхней губы.
– Я знаю. Вы мне тоже нравитесь.
Куда полетим?
– На Меркурий. Согласны?
Согласны.
– Вот и хорошо. Бенгтсон, ты будешь Чубакка. Ну что, поехали?

* * *

- Хватит. Нужен тайм-аут.
Петер захлопнул дверцу, нажал кнопку блокировки и откинулся в водительском кресле. Сквозь тонированное стекло успел заметить, как Изабелла кричит что-то в ярости, отвернулся и посмотрел вперед. Слов, слава богу, не слышно – звукоизоляция в джипе отменная.

Пустой газон. Насколько хватает глаз – пустой газон. До самого горизонта, до размытой границы между зеленью и голубизной. Еле приметная дуга с диаметром в несколько тысяч километров. Сферическая поверхность... и то хорошо. За ночь Земля не сделалась плоской. Это утешает. Уже что-то. От этого можно оттолкнуться. Земля круглая.

Посмотрел на экран навигатора. Все как и вчера. Тупиковая дорога к кемпингу, маркер, показывающий положение машины, чуть подальше на экране голубое пятно. Озеро. Метрах в пятидесяти, не больше.

Петер не верил своим глазам. Ни дороги, ни озера. Газон, газон, газон. Повсюду газон. И в самом деле идиот. Что может быть проще – проверить навигатор?

Снял машину с ручника, повернул светящееся колесико в режим *Drive* и медленно двинулся с места. Изабелла застучала ладонью по стеклу. Слов по-прежнему не слышно, но «вернись, сукин сын» проартикулировано так ясно, что сомнений нет: наверняка решила, что он собирается бросить их здесь, свалить.

Петер усмехнулся. Может, час настал? Сколько раз он представлял себе этот момент – всё, с меня хватит.

Покосился на Изабеллу, бегущую в нижнем белье рядом с машиной, и почувствовал неожиданную эрекцию. Всю неделю в кемпинге она не подпускала его к себе, и еще две недели до этого. Желание постепенно сублимировалось в ненависть, и, когда она оступилась и упала рядом с машиной, он почти кончил.

Петер тряхнул головой и посмотрел на дисплей навигатора.

Как он и предполагал, карта исправно поползла вниз, стрелка маркера приближалась к озеру.

Нажал на тормоз, хотя озеро было только на экране. Перед ним расстился все тот же бескрайний газон.

Дожили, смутно подумал Петер. Гаджеты заменили нам органы чувств. Своим глазам не верю, зато верю этой электронной штуковине, управляемой кем-то из космоса. Попробовать?

Посмотрел на свою ногу на педали тормоза, на озеро на экране... и выключил двигатель. Не смог заставить себя въехать в невидимое озеро.

Изабелла поднялась, догнала его и опять забарабанила в окно.

Петер опустил стекло. Она сунула голову в салон – какого черта...

Он объяснил какого.

– Навигатор работает, смотри сама. Видишь? Я подъехал к озеру, а его нет.

Изабелла глянула на его шорты, заметила эрекцию и издевательски усмехнулась.

– А что у тебя в штанах?

– Ничего, что представило бы для тебя интерес.

– Вот здесь ты прав. Первый раз за все утро.

Подбежала Молли и схватила мать за руку.

– Папа хочет от нас уехать?

– Нет-нет, малышка, что ты... ему пришла в голову очередная дурацкая мысль, и он решил ее проверить.

Она зашла с другой стороны, открыла дверь и достала из бардачка айфон.

– Ты, конечно, не догадался попробовать эту штуку?

Петер покачал головой и вышел из машины.

Изабелла права – не догадался, но он был совершенно уверен – покрытия здесь нет и не может быть. Через пару секунд услышал за спиной ее голос.

– Какого черта... Ни малейшего траханого сигнала... что это за блядское место?

Никакого покрытия. Никакого сигнала. Никакого Интернета.

Петер еще раз обвел взглядом горизонт. Посмотрел на летнее ярко-голубое небо и обомлел. Прижал руки к губам и прошептал:

– А где же солнце?

* * *

Солнце.

Стефан зажмурился и еще раз недоверчиво посмотрел на небо – наверное, привиделось спросонья.

Нет, не привиделось. Солнца не было. Ярко-голубое, налитое неестественно ровным внутренним светом небо – а солнца нет. Он сделал несколько шагов в сторону – а вдруг оно скрывается за каким-то из кемперов. Нет, конечно, – в этот час, да еще летом, солнце стоит высоко.

Опять поднял глаза. Весь небесный купол охвачен голубым свечением, одинаково голубым во всех точках, куда ни глянешь. Даже на небо не похоже. Как будто кто-то натянул над ними гигантский синтетический шатер. Похожий на небо, но все же не небо. И не понятно, на какой высоте – в десяти или десяти тысячах метров над землей: никаких ориентиров. Ни единого облачка, ни единого цветового перехода.

Стефан поднял с земли игрушечную машинку Эмиля и изо всех сил метнул ее вверх. Она взлетела метров на пятнадцать – двадцать и упала на траву, не встретив в полете никаких препятствий.

Насколько Стефан себя помнил, его всю жизнь мучила тревога. Чаше едва ощутимая, иногда он места себе не находил, но ощущение тревоги присутствовало постоянно. Если бы тревога умела говорить, постоянно повторяла бы одну-единственную мантру: *Я могу лишиться всего.*

Солнце... Солнце не вечно. Солнцу суждено в конце концов погаснуть, почему бы и не сегодня?

Привычно сдавило грудь. Он посмотрел на дверь кемпера. Пока Карина и Эмиль здесь, с ним, вынести можно все. Даже исчезновение солнца.

А если их тоже нет? А если и они исчезли?

Тяжесть в груди почти невыносимая, трудно дышать. С трудом подавил импульс зажать руками уши и бежать куда глаза глядят.

Два глубоких вдоха. Острый приступ паники прошел. Но куда деть тупую тоску, тоску пришедшего с дурными вестями почтальона? Ему совсем не хотелось будить Карину и вводить ее в этот странный мир. И уж вовсе не хотелось показывать Эмилю небо без солнца.

Стефан зажмурился. Зажмурился изо всех сил и попытался представить солнце на небе. Мысленно поставил на место площадку для мини-гольфа, киоск и батут. Представил звуки: шум утреннего бриза в листве, визг детей на озере. Все, что должно быть.

Открыл глаза – ничего этого нет. Что он может предложить своей семье, сумеет ли найти замену исчезнувшему миру? Стефан посмотрел на свой старенький кемпер, и его вновь охватила паника. А вдруг и там, внутри, ничего нет? Все исчезло... Вдруг и они исчезли? Пустой, как мертвая раковина, домик на колесах...

Он рывком отворил дверь и остановился. Посмотрел на спящую жену. Услышал голос сына. Если не шевелиться, можно представить, что ничего не изменилось. Обычное утро в кемпинге. Карина проснется, они позавтракают, Эмиль обязательно задаст пару замысловатых вопросов об устройстве мира.

Мира? Какого мира? А как устроен этот мир?

Надо взять себя в руки. Пока мы живы и вместе, еще не все потеряно.

Он забрался в постель, погладил жену по щеке и прошептал:

– Любимая...

Карина поморгала, широко открыла глаза и сказала вот что:

– Ой!

Как всегда. Она всегда просыпается с этим «ой», будто сон утащил ее в свой сюрреалистичный омут без ее согласия.

– Который час?

Стефан покосился на часы на стене. Без десяти семь. Как будто теперь это имеет какое-то значение. Он отодвинул влажную прядь с ее лба и тихо сказал:

– Слушай... тут кое-что произошло.

* * *

Телефон не работает. Нет покрытия. Интернета, естественно, тоже нет. Но фотографии можно посмотреть – они в памяти телефона.

Изабелла начала листать свой альбом.

Синсам, оптическая фирма, 2002. Крупный план. Ее зелено-голубые глаза красиво контрастируют с черной оправой. Стекла, разумеется, без диоптрий.

Гульдфюнд, 2002. Великолепный снимок в сепии, вечернее платье с открытой спиной. Шикарный тип во фраке медленно приближается, словно не решается пригласить на танец такую красавицу. Великолепные блики на кольцах и браслете – немудрено: одна только световая установка заняла четыре с половиной часа.

Кафе «Линдвалль», 2004. Изящная рука с безупречными ногтями держит белоснежную чашку с кофе. Она так и не избавилась от детской привычки грызть ногти, так что извините – ноготки накладные. Свет немного снизу, подчеркивает линию скул.

Готье, 2003. Высший класс. Там, правда, рекламировали мужскую парфюмерию, так что Изабелла немного не в фокусе, чуть позади черноволосого красавца с четкими, как в комиксе, чертами. Красивее парня Изабелла в жизни не встречала. Гей. Очень жаль.

Хеннес и Моритц, 2004. Более профессиональную сессию она не могла вспомнить. Эта летняя коллекция могла бы стать настоящим прорывом, но... в последний момент в чью-то большую голову пришлось разыграть этническую тему. Африканцы, азиаты и даже один эскимос... летние тряпки для эскимосов. Именно тогда она начала принимать ксанор¹ – чему тут удивляться?

Элос, 2005. Единственная причина, по которой она не выкинула эти снимки, – великолепно прорисовано тело, фотограф постарался. Слава богу, купальники и нижнее белье, а не старушечьи блузки.

Идеальный партнер, 2009. Ничего другого не подумаешь: она смертельно влюблена. Нежно гладит щеку идеального партнера, а глаза сами за себя говорят. Петер надулся, когда баннер выскочил у него в почте.

Гудрун Шёден, 2009. Когда тебе за тридцать, надо приспособливаться. Ну и что? Съемки в Марокко прошли на редкость весело. Бескрайняя охра... освещение – только в пустыне может быть такой волшебный свет. Просторные, развевающиеся одежды, ее сверкающие, лучистые глаза – еще бы не лучистые. Увидела оазис.

Молли свернулась рядом в постели. Погладила экран айфона.

– Мама... Какая ты красивая...

¹ Антидепрессивный препарат. – Здесь и далее примеч. переводчика.

* * *

Бенни вылез из корзины, припал к земле передними лапами, потянулся, подошел к выходу из палатки и высунул нос. Все, что подсказали ему звуки и запахи, подтвердилось. Никуда не переезжая, он оказался в другом месте.

Бенни обескураженно присел, почесал задней лапой за ухом и выглянул еще раз. Ну, нет. Кое-какие запахи остались. Один из кемперов пахнет Коровой. Мало того – в нем есть Кошка.

Но все остальное... Он взгляделся в траву, поморгал на небо. Ничего похожего на вчерашний день, к тому же ничем не пахнет. Зевнул, снова потянулся, обошел палатку и опять выглянул. Теперь он посмотрел в другом направлении. Так и есть – в окне пахнущего Коровой кемпера сидит Кошка. Бенни тут же забыл про свои страхи.

Кошку надо как следует облаять.

Не успел он ступить передними лапами на траву, как тут же дал задний ход – по траве прямо к нему шел огромный Человек. Бенни постоял в нерешительности у входа и на всякий случай опять залез в корзину.

* * *

Петер предпринял этот отпуск в кемпинге только потому, что решил сделать последнюю попытку спасти их брак с Изабеллой. Последний, контрольный удар дефибриллятора, после чего можно объявлять: пациент скончался.

Обычно они уезжали в какой-нибудь южный рай и останавливались в пятизвездочном отеле, где Изабелла кочевала из одного спа в другой, Молли проводила все время в каком-нибудь детском клубе, а Петер читал детективы в шезлонге у бассейна. В такой обстановке Изабелла отмякала, и устанавливалось некое равновесие. Ни ссор, ни примирений. И даже по возвращении несколько дней царил относительный мир – потом опять начинались распри.

Разумеется, к идее арендовать кемпер Изабелла отнеслась отрицательно, но Петер настоял – сказал, что мечтает возродить память детства, вспомнить, как они с матерью отдыхали в кемпингах. Нельзя сказать, чтобы это было совсем уж неправдой. Но прежде всего не это. Прежде всего он хотел дать Изабелле последний шанс. Естественно, она им не воспользовалась – впрочем, иного он и не ожидал. Скорее всего, эта неделя останется в галерее памяти как водораздел. Как веха, на которую можно мысленно сослаться с осознанием своей правоты:

И тогда мое терпение кончилось. Это уже было чересчур.

И в самом деле чересчур. Терпение и вправду кончилось. Надо как можно скорее лить отсюда.

Кемпер Дональда. Маленький бигль, увидев Петера, поспешно ретировался. Петер зашел в палатку и осмотрелся.

Десятиметровый *Kabe Royal Hacienda*, запряженный джипом «чероки». К кемперу пристроена палатка – самое малое, двадцать квадратных метров. В палатке буковая мебель, повсюду горшки с цветами, настоящий сад. Пол из досок тика. На спинках стульев – изображения американских звезд вестерна, к дугам каркаса прикреплено несколько портретов Элвиса и пара аэрографических изображений индейцев и волков. Посередине – деревянный стол с отверстием, куда воткнут флагшток с американским флагом, а на нейлоновой стене палатки растяжка с мудрым изречением:

Вовремя сказано доброе слово – и жизнь твоя начинается снова.

Корзинка бигля у самых дверей. Петер подошел поближе, и песик заскулил.

Я знаю, что ты собираешься меня ударить, но, пожалуйста, не надо.

Страх провоцирует. Человек испытывает неодолимую потребность стать тем, за кого его принимают. Петер и в самом деле испытал желание пнуть собачонку, чтобы перестала скулить. Но вместо этого присел на корточки и протянул руку.

– Не бойся, я не опасный.

Песик положил голову на лапы и посмотрел на него исподлобья, снизу вверх – так умеют смотреть только собаки с длинными ушами.

Кончатся припасы, и мы сожрем эту псину.

Петер потряс головой и резко встал.

Что у него с мозгами? Надо выбираться из этого проклятого места, и как можно скорее. Пока не поздно.

Он постучал в дверь шикарного кемпера. Прошло несколько секунд, прежде чем дом на колесах слегка качнулся и послышались тяжелые шаги.

Петер сунул руки в карманы, нащупал конфетную обертку и прокашлялся. Дверь открылась.

На пороге появился пожилой, лет семидесяти, голый до пояса человек, лысый как колено. Отсутствие волос на голове с лихвой компенсировалось буйной седой растительностью на груди. Свисающий живот наполовину закрывает красно-белые полосатые трусы. Странные, немного выпуклые, напряженно-внимательные глаза, глаза одновременно и дичи, и охотника.

Увидев Петера, старик просиял.

– Смотрите-ка! Какие люди с утра пораньше!

– Ну да, ну да... – Петер опустил глаза.

Накануне Дональд явился к ним без приглашения, чтобы обсудить штрафной удар в матче с Болгарией в 2005-м. Он был убежден, что Петер недоиграл в сборной, и методично перечислял причины. «Несправедливо!» – кричал он и вспоминал игровые моменты, которые Петер и сам не помнил.

Петеру было приятно. Он пару раз подливал Дональду грог, слыша за спиной многозначительные вздохи Изабеллы. Рассказал пару историй из самого веселого периода в его жизни, когда играл в «Лацио». Дональд жадно слушал, восхищенно щелкал пальцами и хохотал. Петер купался в лучах собственной славы, наслаждался – и в то же время ему почему-то было очень стыдно...

Дональд просидел довольно долго. Наконец встал, бросил через плечо: «Ариведерчи, маэстро!» – и, покачиваясь, отправился домой.

Изабелла тут же назвала Петера «самым жалким типом из всех, кого она когда-либо встречала» и напомнила, как он просадил большую часть итальянских миллионов: решил открыть сеть ресторанов, но из этого ничего не вышло, не хватило знаний и напора. И так далее, и тому подобное. Обычный вечер. Он слушал ее упреки молча, полузакрыв глаза.

– Чем могу служить?

Дональд вышел из дверей и оперся на косяк, Петеру пришлось посторониться, чтобы пропустить его живот.

– Кое-что произошло. Трудно объяснить... лучше сам посмотри... – Он помедлил и по американскому обычаю закончил фразу именем: – Дональд.

Дональд огляделся. Цветы на месте. Стол с флагом стоит, как стоял, бигль косится из корзинки.

– Что ты имеешь в виду, Петер? Что произошло?

Петер жестом пригласил его выйти из палатки.

– Ты должен сам посмотреть. Иначе не поверишь.

Он дождался, пока Дональд откинет полог, двинулся к следующему кемперу и услышал за спиной ошеломленный, с присвистом вдох и нечто вроде *holy shit...*

* * *

Эмиль спустился с антресолей и залез на кровать к родителям.

– Сколько до него километров? – спросил он, стоя на коленях и показывая в окно.

– Ты имеешь в виду – до горизонта?

– Ну да.

– Километров пять. Так в книгах пишут.

Эмиль кивнул, словно отец подтвердил его мысль.

– А может, за ним и нет ничего.

– Как это?

– Нам же не видно. А раз не видно, может, и вообще нет?

Стефан покосился на Карину. Прошло уже не меньше минуты после того, как она встала, посмотрела и молча попятилась к постели, не отводя взгляда от окна.

Стефан положил руку ей на плечо.

– Что скажешь, любимая?

– Это... это безумие какое-то, – она мотнула головой в сторону окна. – Ты проверял телефон?

– Да. Никакого покрытия. Мертвая зона.

Она спрятала лицо в ладони.

– Мама, не волнуйся, – Эмиль похлопал ее по спине. – Все это скоро кончится. Правда, пап?

Стефан согласно кивнул. Конечно, кончится. Все и всегда когда-нибудь кончается. Хорошо или плохо – это другой вопрос. Но кончается обязательно.

Эмиль достал с полки журнал с детскими комиксами, улегся на живот и начал листать, шевеля губами, – читал он вслух и по слогам, у него пока еще не сформировалась окончательно связь между буквами и словами. Он уже достаточно взрослый, чтобы сообразить, насколько странно все происходящее. *Странно* – неверное слово. *Непонятно*. Но и странно тоже. С другой стороны, в его детском мире много чего странного. Гроза, лоси, электричество... почему яйца становятся твердыми, когда их варишь, а картошка – мягкой? И то, что происходит, – тоже странность. В ряду других странностей. Доверие к родителям безгранично. Мама с папой могут все, справятся и с этой странностью. И объяснят непонятное.

Карина отняла ладони от лица и покусала нижнюю губу.

– Это... в самом деле?

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду... я не знаю, что я имею в виду. Такого не может быть.

Стефан внезапно понял, что она хотела сказать, – странно, что самому не пришла в голову такая мысль. «В самом деле»... а может, в *самом-то деле* всё как всегда? А то, что происходит, происходит в их головах. Массовый психоз, галлюцинация...

– Скорее всего, да. В самом деле, – сказал он. – Мы же все видим одно и то же. Каким-то образом...

– О'кей, – неожиданно согласилась Карина и отвернулась от окна. Глубоко вздохнула и выпрямилась. – А как у нас с продуктами? С водой?

* * *

Двое фермеров так и не отцепили свой приятно припахивающий навозом «Полар» от крюка белого «вольво-740». Из окна на Петера уставилась большая кошка в оранжевую тиг-

ровую полосу. Что-то домашнее, неизменное, словно этот старый кемпер стоял здесь всегда. Прицеп, машина и кошка излучали среднестатистический шведский уют.

Два дня назад он уже проходил мимо, шел в прачечную. Хозяева сидели на раскладных стульчиках и разгадывали кроссворд. В кемпере работал плеер, оттуда доносились звуки *Dancing Queen*. Фермеры приподнялись со своих хлипких стульчиков и представились:

– Мы зовемся Леннарт и Улоф. Как бывшие лидеры нашей партии.²

Петер постучал в дверь и услышал, как внутри кто-то завозился. Разбудил, наверное. Ничего – сейчас не до реверансов. Забавно, насколько по-разному ведут себя потревоженные кемперы: мягкое покачивание гигантского прицепа Дональда и натужный скрип старенького «Полара».

Заедающая раздвижная дверь открылась не сразу.

Петер попытался определить, кого он видит перед собой, Леннарта или Улофа, – и не определил. Фермеры похожи как братья, а может, и вправду братья. Круглолицые, с глубоко посаженными дружелюбными карими глазами, почти одного роста, примерно в том же возрасте – чуть за пятьдесят, кряжистые, сутуловатые, с корявыми, намозоленными руками.

Синие рабочие штаны на одной лямке подтяжек.

– Минуточку... я только... – Фермер принялся пристраивать вторую лямку.

Петер заглянул за его спину в кемпер и тут же шагнул в сторону – еще подумают, что подсматривает.

– Доброе утро, – сказал Леннарт и зевнул. А может, и Улоф. – Чем могу служить?

Вторая лямка пристегнута.

– Да как бы это... – замялся Петер, немного смущенный случайно подсмотренной сценой. – Тут такое дело...

У «Полара» пристроенной палатки не было, поэтому Петер неопределенно махнул рукой.

– Вот...

Фермер уставился на бесконечный газон. Наклонился вперед, посмотрел направо, потом налево. Поднял голову, посмотрел на небо, потом окинул Петера суровым взглядом и шепотом произнес:

– Ни хрена себе...

– Я тоже ничего не понимаю, – поспешил заверить его Петер, словно опасался, что подозрения лягут на него. – Думаю, надо собраться. Всем, кто тут остался... оказался. Обсудить... подумать, что делать.

Глубоко посаженные глаза внезапно сделались почти прозрачными, в их студенистой глубине отразился кусок идеально голубого неба.

– Делать?

– Ну да... Надо же что-то предпринять...

– А что мы можем сделать? Что мы можем... *предпринять?*.. – повторил фермер неуверенно.

Скорее всего, парень в шоке. Ничего странного, учитывая обстоятельства его пробуждения.

Петер поднял руку и потряс сжатым кулаком – ни дать ни взять капитан команды, настраивающий игроков на очередной матч.

– Увидимся. О'кей?

Не дожидаясь ответа, развернулся, двинулся к своему прицепу и услышал за спиной:

– Улоф, проснись... ты только погляди...

Ага, значит, он разговаривал с Леннартом.

² Лидеры шведской Партии центра, представляющей интересы, в частности, фермеров. Улоф Юханссон (1991–1994) и Леннарт Далес (1998–2001).

Петер потер висок. Не слишком ли много сюрпризов за одно утро? Случайно заглянул в чужой кемпер – и пожалуйста: двуспальная кровать, на одной половине большое тело, как теперь выяснилось, Улофа, а вторая половина, только что покинутая Леннартом, пуста.

Петер считал себя человеком без предрассудков. Но чтобы эти двое... даже трудно представить. Очень трудно, почти невозможно. Потер виски, будто пытаешься стереть прилипшую к сетчатке картинку. И так хватает, о чем подумать.

А что мы можем предпринять?

Фермер прав. В том-то и вопрос. Петер не имел ни малейшего представления, что делать, что предпринять и с чего начать. Даже не мог вспомнить, зачем он начал будить обитателей кемпинга. Скорее всего, чтобы избавиться от внезапно нахлынувшего чувства беспросветного одиночества.

* * *

Пять упаковок лапши быстрого приготовления.

Полкоробки макарон.

Две банки рубленых томатов в собственном соку.

Две банки кукурузных зерен.

Две луковицы.

Четыре больших морковины.

Паприка.

Полпакета овсяных хлопьев, полпакета муки, полпакета сахара.

Брусничное варенье, яблочное пюре.

Литр молока, литр йогурта.

Четыре яйца.

Полпакета хрустящих хлебцев, три ломтя белого хлеба.

Приправы.

Ни мяса, ни рыбы. Как раз сегодня собирались ехать в супермаркет.

– Бак для воды, по крайней мере, под завязку, – сказал Стефан.

* * *

Кемперы стоят довольно тесно, вокруг небольшой, не больше ста квадратных метров, поляны. Половина теннисного корта.

Решили собраться на этой поляне – обсудить редкостное явление природы. То ли их перевезли в какое-то странное место, то ли внезапно исчез окружающий мир.

Не только Карина, но и Майвор, жена Дональда, – обе считают, что это бесконечное футбольное поле существует не в реальности – в их головах. Не географически определяемое место, а состояние психики. Надо надеяться – преходящее, как любой оптический обман.

Мужчины более прагматичны. Как всегда, включился инстинкт: возникла проблема, и надо ее решить. Допустим, их и в самом деле ночью оттащили на другое место, но каким образом? А если увезли не их, а все, что их окружало? Разобрали на части и увезли... каким образом? И главное – зачем? *Зачем?* И откуда взялась эта странная трава?

Леннарт и Улоф внимательно слушают, вдумчиво кивают, но помалкивают. Никаких теорий не выдвигают.

Мобильные телефоны. Что скажут мобильные телефоны? Звонки, эсэмэски – надо же установить, когда все это произошло.

Последняя эсэмэска обнаружилась на айфоне Изабеллы – приятельница возвращалась с вечеринки. Двадцать шесть минут третьего ночи. После этого – молчание.

Молли проснулась за несколько минут до того, как разбудила Изабеллу в половине седьмого.

С половины третьего до половины седьмого. Четыре часа. В эти часы все и произошло. *Что произошло?*

* * *

Люди чем-то заняты. Почему не воспользоваться случаем? Небольшая пробежка – и Бенни остановился под окном, где сидела Кошка. Кошка равнодушно устала на Бенни.

Она похожа на Бенни и в то же время совершенно не похожа. Это и раздражает. Именно поэтому, а не по какой другой причине Бенни лает на Кошку. Кошка лаять не умеет – это сразу видно, поэтому встает, немного выгибает спину и издает неприятный звук, похожий на звук бегущей воды. Ну как тут не залаять? И Бенни лает, пока чья-то рука не хватает его за шкирку, и он слышит голос Хозяина:

– Заткнись, болван!

Бенни скулит и беспомощно дрыгает лапами, Хозяин относит его в дом. Последнее, что он видит: Кошка ложится на прежнее место, облизывает лапку и начинает умываться. Вид у нее до отвращения довольный. Как тут удержаться? Бенни, несмотря на унижительное положение, опять залаял – и тут же полетел в свою корзину. Больно ударился спиной, взвизгнул, свернулся клубочком и уткнулся носом в одеяло.

* * *

– Почему вы так обращаетесь с собакой?

Изабелла никогда не увлекалась вопросами охраны прав животных, но поступок Дональда ее взбесил. Наверняка и Дональд не переполняли теплые чувства. Он посмотрел на нее, как на слизняка в собственном саду, и усмехнулся:

– Не затрудняйте свою хорошенькую головку идиотскими вопросами.

Не часто случалось, чтобы Изабелла не нашлась что ответить. Этому мачо-типу в стиле Джона Уэйна, похоже, и в голову не приходит, что он сделал что-то мерзкое, недопустимое для цивилизованного человека. Она покосилась на Петера – как он среагировал на выходку Дональда? Петер устался в землю, безуспешно стараясь скрыть улыбку.

– Ну что, ребята? – обратился Дональд к товарищам по несчастью. – Нравится вам тереться задами? Может, начнем с того, что раздвинемся маленько? Оттащим наши хижинки подальше друг от друга.

Он изобразил руками, как отталкивает невидимую стену.

– Места, что ли, мало? Теперь-то нас – раз-два и обчелся. За каким хреном наступать друг другу на мозоли? Или как?

Дональд подтянул старые тренировочные брюки. Изабелла посмотрела на высохшие пятна мочи в паху. Три шага вперед – и ногой в причинное место. А почему нет? Есть и такая возможность... ладно. Подождем пока.

Она повысила голос:

– Можно сколько угодно болтать, как и когда мы вляпались в эту хреновину. Дурак видит, что ничего нет, все исчезло, но неплохо бы выяснить, что здесь *есть*. Кто знает, может, в каких-нибудь десяти километрах стоит чертов магазин *ИСА*? Купим свежий хлеб и порнуху для дядюшки, чтобы ему было на что подрочить.

Последние слова она произнесла, глядя Дональду в глаза. Тот покраснел как рак. Ладно, от пинка в пах можно пока воздержаться. С него и так хватит. Впрочем... Дональд сделал шаг по направлению к ней, но между ними встал Петер.

– Я могу съездить и разведать, что и как, – он мрачно посмотрел на Изабеллу. – Моя жена иногда... странно выбирает слова. Но... в общем, могу съездить.

Изабелла яростно посмотрела на мужа и приготовилось сказать что-то убийственное, но в этот момент Молли дернула ее за юбку.

– Мама... я кое-что хочу.

* * *

Эмиль не любит, когда собирается много взрослых. Голоса становятся странными, и движения такие, будто они выступают по телевизору. Слава богу, мама в спор не ввязывается. Эмиль тихо прислонил голову к ее бедру, а она обняла его за плечи.

Все говорят на повышенных тонах, и Эмиль вдруг понимает: им страшно. Он бы и сам охотнее всего уехал бы куда-нибудь с мамой и папой, но ясно: ехать некуда. Во всяком случае, пока.

Тетенька, похожая на рекламу зубной пасты, выкрикивает ругательства.

Эмиль покачал головой – почему ее никто не остановит? Пусть только не мама с папой, она тогда и на них начнет орать. И муж ее собрался куда-то ехать.

Эмиль посмотрел на бескрайнее поле. У него засосало под ложечкой – наверняка там, за этим еле различимым горизонтом, за полуразмытой границей зеленого и синего, притаилась какая-то страшная опасность. Он зажмурился и представил большую щетку... нет, лучше пылесос. Пылесос зажужжал, высосал все глупые страхи и собрал в бумажный пакет. Потом этот пакет вынимаем, бросаем в другой пакет, для мусора, и относим в контейнер. Приезжает мусоровоз... а куда едет мусоровоз? Куда он отвозит страхи и глупые мысли? Он решил спросить у мамы – куда, в самом деле, девается мусор, который увозят грузовики?

Открыл глаза и увидел девочку. Такого же роста, как он сам, хорошенькая и аккуратненькая, будто ее тоже, как и ее маму, сняли с рекламного щита. В его садик ходит примерно такая же. Вообще-то добрая, но плакса.

– Как тебя зовут?

– Эмиль, – он на всякий случай поплотнее прижался к маминому бедру.

– А меня Молли. Пошли играть.

Эмиль поднял голову и посмотрел на маму. Не похоже, чтобы она обрадовалась. Но потом отпустила плечо Эмиля, и Молли потянула его за руку. Мама улыбнулась и кивнула. Эмиль покорно пошел к чужому кемперу – не очень-то и хотелось, но он не знал, как отказаться.

* * *

Петер посмотрел, как Молли и Эмиль скрылись в вагончике, и свернул к машине. Дочь всегда находит приятелей... если это можно так назвать. Скорее, вербует придворных. Собирает детей и отдает им приказы. Петер знал, что Молли давно приметила этого мальчика, но не посчитала его достойным своего общества. Обычно она останавливала внимание на детях постарше – но не настолько старше, чтобы противостоять ее обаянию. Но так уж вышло – других детей нет, так что приходится довольствоваться тем, что под рукой.

Других детей *нет*? А где они, другие дети? Вчера еще было полно детей.

Петер откинулся на сиденье и глубоко вздохнул. Какая тишина... голоса, продолжающие обсуждать, как им передвинуть кемперы, еле слышны. Идиотское предложение, но все повелись.

Ну что ж, теперь все зависит от него. Он обязан найти выход. Вывести людей из грозной и необъяснимой пустоты.

Детское воспоминание. Петеру девять лет. Ноябрь, довольно холодно. Он стоит перед дверью квартиры, которую они с матерью тогда снимали. Тянет за цепочку и достает из кармана ключ – и в этот миг слышит какой-то странный звук в подвале. Он роняет от страха и неожиданности ключ – цепочка длинная, ключ задевает колено. Он тянется за ключом и внезапно замирает: вдруг увидел себя со стороны. Тонкая, не по сезону, купленная в секонд-хенде курточка, замахрившиеся штанины джинсов. Стоит перед дверью кое-как обставленной квартиры, где он не чувствует себя дома, и внезапно понимает, какое серое и тоскливое у него детство... все время в бегах. И в эти секунды, когда отхлынула волна испуга, он понял, в чем его единственное желание.

Уехать. Уехать куда глаза глядят, оказаться где-то в другом месте.

Петер сжал в кармане ключ от машины. Что тогда было? Неопределенное желание поскорее вырасти, стать взрослым, самому распоряжаться своей жизнью. Оказаться в другом месте... Взросление – это и есть мираж «другого места». Есть и утешение: когда-нибудь, рано или поздно, ты все равно повзрослеешь.

А здесь? Подумать только, а вдруг на всей Земле не осталось никакого «другого места»...

Он резко мотнул головой, словно стряхивая наваждение.

Люди ему поверили, а сам-то он ни в чем не уверен. С другой стороны, они оказались *где-то*. Но из этого *где-то* всегда можно переместиться *куда-то*. Вот и всё.

Он слегка потянул ручку, и дверь, сыто чавкнув, захлопнулась – так и должны закрываться двери в новых дорогих машинах. Нажал кнопку старта и посмотрел в зеркало заднего вида – все как по команде повернулись в его сторону. Медленно развернул машину, поднял сжатую в кулак руку и наклеил улыбку – профессиональную улыбку тренера по аэробике: «Какие вы все красивые, какие вы все способные».

Они помахали ему в ответ, и его пронзила мысль – ладно бы красивые и способные, но – какие вы все *одинокие*... выброшенные в пустоту неизвестно куда, а главное – неизвестно зачем. Ни единого деревца... Хоть бы кустик – и то было бы веселее. Забавно – в машине одиночество ощущается не так сильно. Запах кожи, глухое урчание мотора, огоньки светодиодов на панели... даже само движение создает ощущение самодостаточности. Пусть маленькая, но собственная вселенная. Все-таки *он от них* уезжает, а не *они от него*.

Краем глаза заметил: Изабелла отделилась от группы и двинулась к нему. Как всегда, неизвестно, что от нее ждать: очередную порцию ругани или пожелание успеха.

– Слушай... если найдешь магазин, купи что-нибудь пожрать.

На лбу у корней волос выступили капли пота.

– А у нас ничего нет?

Изабелла обреченно покачала головой.

– Купи чипсы... шоколад... Все равно что.

– По-моему, были бананы.

Изабелла вздохнула. Ее била мелкая дрожь. Тиреотоксикоз. Болезнь называется тиреотоксикоз. Можно есть сколько угодно много, и при этом не поправляться – повышенный обмен. Избыточное сгорание. Цена: неунимаемая дрожь и ручьи пота, когда сгорать нечему.

Петер посмотрел на ее дрожащие руки. И что произойдет, если им не удастся вырваться из этого заколдованного круга? Если кончится еда? Страшно подумать. Страшно – и почему-то интересно.

– Ты слышал, что я сказала?

– Слышал... – Он нажал кнопку, стекло поползло вверх...

...и придавил педаль газа.

Через минуту Петер оказался в удручающе зеленой, без единого ориентира, пустыне.

* * *

– Даже речи быть не может!

Дональд предложил передвинуть кемперы при одном условии: его собственный остается на месте. Естественно, тут же начались разговоры: все – так все.

Он посмотрел на Майвор и покачал головой – до чего же народ глуп... Ни у одного прицепа, кроме их с Майвор, не было стационарной пристроенной палатки. Разобрать, перенести и снова собрать – целая история. Но даже и этот аргумент излишен: Дональд и Майвор – старожилы. Они абонируют место в кемпинге «Салудден» уже пять лет подряд, каждый год на пять недель. В этом году расположились среди краткосрочных туристиков только потому, что как раз на то место, где они разбивали лагерь, упало дерево. И теперь они три недели вынуждены жить в этой суеде, с бесконечными криками приезжающих на пару дней и уезжающих туристов – в кемпинге якобы не хватает персонала, чтобы распилить и убрать это чертово дерево. Дерево, правда, внушительное. Ствол чуть не метр в диаметре. С другой стороны – хорошо, что упало. Вовремя. Не дождалось их приезда.

Так или эдак, они уже три недели стоят здесь. Остальные приезжают самое большее на неделю – и хватает же наглости предложить Дональду перебраться на другое место!

– Даже речи быть не может, – повторил он и показал на палатку. – Только разобрать эту хреновину – целый день уйдет. И собрать – столько же. К тому же мы, в отличие от вас, уже три недели стоим здесь.

Тип в безобразных очках, типичный ботаник, что-то пробормотал. Дональд уставился на него.

– Повтори!

– Я говорю, ни один из нас не стоит на том же месте, что вчера. Чисто технически.

Дональд повысил голос – так он разговаривал со скользкими субподрядчиками.

– Чисто технически вопрос стоит вот как: попробуйте заставить меня передвинуться. Я, по-моему, ясно объяснил, что это за работа.

Ботаник сразу стушевался. Пожал плечами.

– Просто мысль пришла в голову.

Дональд раскинул руки, будто хотел обнять всех присутствующих.

– Когда закончим, приглашаю всех на пиво. Сюда, в палатку.

Показал знаком Майвор – всё, разговор окончен, – повернулся и пошел к кемперу. Майвор последовала за ним. Когда они отошли на расстояние, на котором никто не мог их слышать, Майвор сказала:

– Почему ты всегда такой настырный?

– Настырный? Ты же сама знаешь, что это за работа – разбирать все это дерьмо. Мебель, стойки... на одних настилах надорвешься.

– Всё так... но ты мог объяснить людям без такого напора. Что за агрессия? И на меня незачем орать.

В палатке Дональд схватил стул, поставил в угол и уселся, скрестив руки на груди.

– Я не на тебя орал, старушка, ты прекрасно знаешь. Они меня просто... я тебе говорю: если кто-то будет нарываться, то...

– То что? Что ты тогда сделаешь, Дональд?

Дональд, не вставая, дотянулся до газового холодильника и достал банку пива.

Отщелкнул замочек, сделал большой глоток и вытер губы.

– Тогда я возьму винтовку.

Майвор уставилась на мужа. Тот с деланным равнодушием кивнул на вход в палатку: вот, дескать, если кто-то явится и начнет нарываться, сама увидишь. Она дождалась, пока он на нее посмотрит.

– Ты взял с собой *винтовку*?

– Само собой, – Дональд пожал плечами. – Сейчас такие времена... полно проходимцев.

Сделал еще глоток пива, слишком большой: из угла рта на подбородок побежала янтарная струйка.

Майвор не спускала с него глаз.

– Я же не собираюсь никого убивать, старушка, ты же понимаешь. Отпугну – и всех дел.

– Патроны, по крайней мере, вынул?

– Вынул, вынул. Само собой.

– А затвор снял?

– Хватит уже... – Дональд отвернулся, откинул крышку табуретки и достал оттуда транзистор – надо же как-то прервать неприятный допрос.

– Сомневаюсь... – Майвор горько усмехнулась. – Радио... какое там радио... посмотри вокруг.

Но Дональд уже успел нажать кнопку, и тут же выяснилось, что она сомневалась зря. Из старого красного транзистора, купленного лет тридцать назад, полилась музыка. Тува Карсон, «*Все уже забыли*».

Дональд и Майвор ошеломленно уставились друг на друга. Им сказали, что ни телефоны, ни компьютеры не работают – нет покрытия. И на тебе:

Все уже забыли, но не я,
С каждой одинокой ночью
Память все ярче...

Они вслушивались в слова песни, будто в ней зашифровано какое-то скрытое сообщение. Будто они помогут найти ответ, объяснить их нелепое положение. Ни тот ни другой не были поклонниками Тувы Карсон, а теперь сидели и вслушивались в каждое слово.

Песня закончилась. Они, затаив дыхание, ждали. Вот сейчас прозвучат слова диктора: «Важное сообщение»... «а теперь прослушайте» – или что-то в этом роде. Но нет – вступительный аккорд к «*Твоей мелодии*» Сильвии Вретхаммар. И голос самой Сильвии.

* * *

Молли и Эмиль решили играть в собак. Довольно долго они были щенками. Катались по полу кемпера, тявкали и притворялись, что дерутся. Наконец Молли взяла в зубы свой сандалик, помотала головой и забросила под диван.

Эмиль заглянул под диван и заскулил. Он же щенок, а щенки боятся темноты.

– Щенку придется достать сандалик.

Эмиль опять заскулил и покачал головой. Молли села на пол и руками изобразила щенячьи лапки.

– Щенок должен принести сандалик. Только невоспитанные и глупые щенки не приносят сандалики.

– Щенок не хочет, – протывкал Эмиль.

– Щенок должен!

– Щенок не хочет!

– Почему это щенок не хочет?

– Потому... потому что... – Эмилю попался на глаза рулон туалетной бумаги. – Потому что он противный и пахнет какашками!

Молли строго на него поглядела, но не выдержала, повалилась на спину и начала хихикать так музыкально, что у Эмиля замерло его маленькое щенячье сердце.

Молли хохотала, держась за живот, а Эмиль на четвереньках обнюхал пол вокруг нее, поднял ногу и сделал вид, что писает на кухонный шкаф.

Молли, отсмеявшись, тоже встала на четвереньки и кокетливо изогнула спину.

– Теперь мы будем папа-пес и мама-пес.

– Собака, – поправил Эмиль.

– Кто собака?

– Мама-собака.

– Ну, хорошо, собака. У них свидание.

Эмиль постарался, чтобы щенячьи лапы стали потверже, как у взрослого пса, свирепо посмотрел на Молли и негромко зарычал.

– Ты что? – удивилась Молли. – Ты же папа-пес, ты в меня влюблен.

Эмиль вытаращил глаза – так делают все влюбленные в мультиках. Он представил розовые сердечки на крылышках, вылетающие из головы, как птички.

– Хорошо, – одобрила Молли. – А теперь ты должен понюхать у меня под хвостом.

– Ну нет... – Эмиль немного растерялся.

– Почему нет? Влюбленные собаки всегда нюхают друг у друга под хвостом.

– Зачем?

– Откуда я знаю? И какая тебе разница? Они так делают, и ты тоже давай, раз ты папа-пес.

Эмиль на четвереньках обошел вокруг Молли и понюхал ее трусики. Успел заметить, что трусики пахнут туалетом, но Молли вдруг резко повернулась, показала зубы и зарычала так грозно, что Эмиль невольно отпрыгнул и поднял руки, защищаясь.

– Что с тобой? – засмеялась Молли. – У тебя что, детский паралич? Собак никогда не видел? Все собаки так делают.

– Никакой у меня не паралич!

– У тебя, может, и нет, а у твоей собаки есть!

У Эмиля уже закипали слезы, но тут он представил себе собаку с детским параличом и засмеялся.

Молли покачала головой.

– Значит, так. Ты понюхал у меня под хвостом, я рассердилась. Ты опять попробовал, я опять рассердилась. И только *потом* я позволю тебе нюхать у себя под хвостом. Разве ты никогда не видел?

– А я не хочу. У меня собачий детский паралич.

Молли собралась было разозлиться, но личико ее тут же просветлело.

– Тогда можешь вылизать мне шкурку, – улыбнулась она.

Эмиль добросовестно полизал ее майку. Лизал довольно долго, пока она одобрительно не кивнула.

– Теперь собакам надо отдохнуть.

Они улеглись рядышком на живот и притворились, что спят. Внезапно Молли напряглась, подняла голову и понюхала воздух.

– А теперь собаки чувствуют опасность. Приближается враг.

Эмиль тоже подвигал носом, принюхиваясь, и ничего не почувствовал, кроме запаха пыли и каких-то духов.

– Никаких врагов поблизости, – заключил он.

– Как это никаких? – Она встала на четвереньки и сжалась в комочек. – Огромный и опасный враг, собаки никогда таких не видели. Он хочет их сожрать.

– Кончай, чего ты...

– Собакам страшно. Чудище величиной со слона, только черное, голова огромная, и сто пять острых клыков. Хватает собаку – и кровь кругом.

– Нет! – у Эмиля к горлу подступил комок.

– И он перекусывает собаку пополам, только кости хрустят... хрясь-хрясь, – она очень похоже изобразила хруст костей.

Эмиль закрыл руками уши и замотал головой. Ему не хотелось слушать, потому что он уже и в самом деле *видел* этого страшного врага. Огромный, черный, зубы как кинжалы, земля трясется... И приближается, потому что собирается его, Эмиля, сожрать...

Молли отвела его руку в сторону и прошептала в ухо:

– Но я знаю, как спастись. Я тебя спасу.

Эмиль проглотил слезы и посмотрел на Молли – серьезная, сосредоточенная мордашка. Наверняка знает, о чем говорит. И насчет чудовища, и насчет того, что знает, как спастись.

– А как?

– Потом расскажу, – Молли настороженно огляделась. – Но сначала мы должны сделать одну штуку...

* * *

Карина нахлобучила дышло прицепа на буксировочный крюк машины и подняла поддерживающее колесико. Электрический разъем и страховочный тросик оставила без внимания – зачем? Ехать-то всего несколько метров.

Вытерла руки о майку и показала Стефану большой палец – готово. Он завел машину, рывком дернул кемпер и протащил его метров десять по газону.

Фермеры тоже передвинули свой прицеп. Один из них вышел из машины и отдал честь Карине. Она помахала в ответ.

Зачем мы это делаем? Наоборот, надо держаться всем вместе, поближе друг к другу...

Посмотрела на новенький кемпер, где скрылись Молли и Эмиль. Что-то странное в этой девочке: она словно все время притворяется... с другой стороны – зачем? И в чем? В чем она притворяется?

Подошел Стефан.

– Ну вот. Дело сделано.

На макушке волосы заметно поредели. Невысокий, полноватый, короткие руки... Мужчина, которого она выбрала. Карина положила руку ему на шею. Он погладил ее по голове, и она зажмурилась.

– Стефан... ты должен мне кое-что обещать.

– Все что захочешь.

– Мы не знаем, что произошло. Мы не знаем, как долго это наваждение будет продолжаться...

– Карина, совершенно ясно, что...

– Подожди. Дослушай... – Она сжала руками его лицо, провела пальцем по оправе и посмотрела в глаза. – Ты должен обещать мне, что мы будем держаться вместе. Что бы ни произошло, вдвоем мы справимся. Поодиночке – нет. Ты понимаешь, о чем я? Обещаешь?

Стефан уже открыл рот, чтобы ответить, но осекся. Посмотрел на бесконечное поле и нахмурился. Похоже, понял.

– Да, – сказал он после долгой паузы, – обещаю.

* * *

Первые четверть часа Петер ехал довольно быстро – километров пятьдесят. Потом снизил скорость. Здесь, по данным джи-пи-эс, должна быть деревня Вестерьюнг. И магазин был бы, если бы нашлась сама деревня. Поначалу он старался придерживаться предлагаемых навигатором дорог, но потом плюнул. Если верить джи-пи-эс, он пересек уже, самое меньшее, три речки без всяких мостов и пару раз продрался сквозь чашу без единой царапины на кузове.

Посмотрел в зеркало. Интересно, вон та неровность на горизонте, что это: их лагерь или оптический обман?

Лидерское чувство самодостаточности и превосходства исчезло, на смену пришли тоска и одиночество. Неужели они приговорены к пожизненному заключению в этом нереальном, возможно существующем только в их воображении мире? Откуда-то из омота памяти выплыло словечко «солипсизм»... вне сознания нет сущности.

Болгария, 2005 год. Полная глухота, словно в уши вставили затычки. Пока он крутил мяч кончиками пальцев, соображая, как лучше поставить его на одиннадцатиметровую отметку, исчезло все: шум стадиона, крики товарищей по команде, возгласы судьи.

Петер машинально ткнул кнопку радио, чтобы отвлечься от воспоминаний. И в ту же секунду сообразил: какое радио? Глухая зона, телефоны не работают, ни единой мачты на горизонте.

Оказывается, нет.

Внезапный аккорд был настолько неожиданным, что он вскрикнул и ударил по тормозам. Джип дернулся и остановился. Если бы скорость была побольше, наверняка разбил бы лоб.

На этот раз пастор промолчал.

А если б не молчал, сказал бы «нет».

Петер застыл с отвисшей челюстью и усталился в ненатурально голубое, как в мультфильме, небо. Он знал музыку – мать часто ставила эту пластинку. Он даже знал, кто поет: Черстин Аулен и Петер Химмельстранд.

И даже хорошо, что он промолчал,

Я, наверное, спятил... но я в тебя влюблен.

Последний рефрен. Орган прогудел несколько тактов из «Свадебного марша», и песня закончилась.

Ошеломленный Петер даже не успел подумать, что может сказать диктор, прольется ли свет на их нелепое приключение, как началась следующая песня. На этот раз Тува Карсон. «Все уже забыли».

Выключил радио, откинулся на сиденье и посмотрел на бескрайний газон. Где-то ведь кто-то сидит, ставит эти старые пластинки и транслирует их на всю... на всю – что? На всю страну? Страну Швецию? Где она, эта страна? Кто? Где? Как? Зачем?

И все же: судя по репертуару, они пока еще в Швеции. На этом сходятся и радио, и джи-пи-эс. Но, насколько ему известно, в Швеции нет таких мест. Ничего даже близко похожего.

Он вышел из машины, и у него перехватило дыхание. Впервые осознал масштаб и глубину окружающей его пустоты. Поднес руки к лицу – руки на месте. Он, несомненно, *существует*, хотя и ничтожно мал. Похлопал по крыше джипа – глухой металлический звук. Толстый, не меньше чем двухмиллиметровый, прокат. И машина существует.

Прищурился и посмотрел в ту сторону, откуда приехал. Глаз уже не различал никаких неровностей на горизонте. Машина стоит на бесконечном футбольном поле, подвешенном в мертвой синеве неба.

Он прокрутился на одной ноге и неожиданно, сам того не желая, закричал:

– Алло! Есть здесь кто-нибудь? Алло...

Звуки голоса тут же угасли, не оставив даже намека на эхо.

* * *

Леннарт и Улоф послушно передвинули прицеп на несколько метров, убрали белье и сложили кровать – она, благодаря изощренному, противоречащему банальной геометрии пространственному воображению дизайнеров, превратилась в два узких диванчика и стол посередине.

Скромный завтрак: фалунские хрустящие хлебцы, тресковая икра из тюбика и столовый маргарин «Бреготт», совершенно расплывшийся в неработающем холодильнике. Баллон с газом пуст, в последние дни они пользовались электроприборами. Но теперь и электричества нет.

Главное – не на чем приготовить кофе. Ни Леннарт, ни Улоф завтраку значения не придавали, чаще всего так и было: сухие хлебцы, что-то из тюбика – икра или плавленый сыр. Вполне достаточно. Но кофе – обязательно. Как же без кофе?

– Развести, что ли, в холодной воде? – Леннарт показал на пакет с молотым кофе.

– Это вряд ли. Был бы растворимый – другая песня.

– А у нас где-то был походный примус? Маленький такой? Или как?

– Где-то был... да я пока что не особенно, чтобы... А ты?

– Да и я нет. Пока жить можно. Но потом...

– Ну да, потом. Как же без кофе?

Леннарт скептически глянул на хлебец. Растаявший «Бреготт» уже подобрался к краю. Вот-вот капнет.

– А что у нас вообще-то в запасе?

– Да вроде так... более или менее. Продержимся несколько дней. Картошки полно.

– Тогда надо искать примус.

– А как же. Не сырую же лопать.

Они замолчали и захрустели своими бутербродами. В царящей вокруг тишине хруст этот казался очень громким и хищным, будто огромный зверь перемалывает челюстями кости своей жертвы.

Поглядели друг на друга, улыбнулись и почти одновременно вытерли губы, увидев сухарные крошки в углу рта у приятеля. Как два коня – стоят в стойле и жуют свой овес из торбы. Разве что кони молоком не запивают.

– Не сказал бы, что положение веселое, – подвел итог Улоф.

– А кто бы сказал. – Леннарт взял тряпочку и аккуратно смел крошки со стола. – Хотя... кто его знает.

И задумался. Улоф терпеливо ждал, пока мысль Леннарта найдет подходящее словесное выражение.

Тот тем временем высыпал крошки в пакет для мусора и повесил тряпку на кран. Оперся спиной о шкафчик, скрестил руки на груди и сказал:

– Как есть, так и есть, вот оно что...

– Это как – так?

– Ты и сам знаешь. Как есть, так есть. Разве что... яснее не стало.

– А... вот ты о чем. Можно и так посмотреть.

– А как еще? Как еще можно посмотреть?

Улоф нахмурился и погрузился в размышления. Это было нелегко: мысли отказывались расти и выстраиваться в систему, поскольку не было отправной точки. Какая может быть отправная точка в пустоте? В конце концов пожал плечами.

– Дай время подумать.

Леннарт достал журналы с кроссвордами и положил на стол перед Улофом. Вместе с газетами на стол легли очки и карандаш. Сам тоже взял журнал, сдвинул очки для чтения на кончик носа и уселся напротив.

Улоф попытался сосредоточиться на макси-кроссворде чуть не на всю страницу, но уже через пару минут сообразил, что хотел сказать. Он посмотрел на Леннарта, мучительно размышляющего над сканвордом пятой ступени, самым трудным.

– А как же коровы?

– Анте и Гунилла справятся, – не поднимая глаз, сказал Леннарт.

– Синтия-15 телиться будет через пару дней.

– Анте справится.

– Думаешь?

– Ну.

Анте – сын Улофа, Гунилла – дочь Леннарта, хотя постороннему могло бы показаться, что наоборот: Леннарт не упускал случая похвалить исполнительность Анте и его умение обращаться с животными, а Улоф превозносил деловую хватку Гуниллы и ее неутомимость.

Не то чтобы Леннарт или Улоф завидовали друг другу до такой степени, что желали бы поменяться детьми, нет. Но Леннарту почему-то легче было хвалить Анте, а Улофу – Гуниллу. Они даже обсудили между собой этот психологический ребус и пришли к обоюдному выводу: нормально, что тут обсуждать. Совершенно естественно. А если даже и не так уж естественно, то изменить положение вещей им не дано.

Друзья замолчали. Время от времени тишина нарушалась поскрипыванием карандаша Улофа, вписывающего очередное слово. Леннарт сидел в задумчивости – все-таки пятая ступень.

Наконец Улоф отложил ручку.

– Думаешь, между ними... пока, так сказать, нас нет?

– Время покажет.

– Это да... что да, то да, время покажет. А неплохо бы...

– Да уж чего плохого.

Леннарт слегка улыбнулся и погладил руку Улофа, но сразу сделался серьезным, уставился в сканворд, погрыз карандаш и сказал:

– «Свинья в репризе»... это еще что за зверь? Начинается на «С», кончается на «ИР». Девять букв.

Улоф довольно засмеялся.

– И это пятый уровень? Сехримнир³, само собой.

Леннарт вписал слово и кивнул.

– Ну да... ясное дело.

– «Свинья в репризе»... – Улоф продолжал улыбаться. – Смешно. Молодцы.

– Им палец в рот не клади.

Найденное слово выстрелило сразу двумя пересечениями, и Леннарт взялся за сканворд с новым усердием.

³ В скандинавской мифологии – кабан в Вальхалле, которого подают на пир погибшим воинам. Его съедают на пиру, но на следующий день он воскресает снова и служит угощением вновь прибывшим героям.

Улоф посмеялся еще немного, повторил несколько раз «надо же... свинья в репризе... веселые ребята» и посмотрел в поцарапанное плексигласовое окно, обычно слегка искажающее перспективу. Но сейчас и исказить было нечего. Перспективы не было – трава и небо. Небо и трава.

Он подумал об остальных, которые волей-неволей видят ту же картину.

– Дальше-то, гляди, может и похуже быть.

– В каком смысле?

– Откуда мне знать? Думаю, мало кто видел такое. Могут быть неприятности.

– Это ты правильно сказал. Знать бы только – какие.

Улоф опять посмотрел в окно. Если бы не Леннарт... Вот так и выглядит одиночество, внезапно подумал он. Ты стоишь у окна, а кругом – пустота. Не за что глазом зацепиться.

– Большие, думаю. Неприятности, то есть. Если не сказать – очень большие.

Леннарт тоже посмотрел в окно и покачал головой:

– Ну да. Большие. К сожалению.

* * *

Стефан прикрутил вентиль к газовой плите и вскипятил воду. Слава богу, и холодильник работает на газе – пакет молока приятно холодит руку. Растворимый кофе, полдецилитра молока себе; чуть-чуть, только чтобы забелить, Карине. Поставил чашки и тяжело опустился на стул.

– Меня беспокоит одна штука...

– Какая штука?

– Сегодня я должен был позвонить на оптовый склад. Они же будут слать селедку в тех же объемах, что к Иванову дню.

– А чем это плохо?

– Как тебе сказать... Представь только: мы там стоим, а перед нами поддон. А на нем в твой рост банки с селедкой, которая никому не нужна. Праздники-то кончились.

– Если будем стоять. Там...

– Да... но все же, скорее всего, будем. Рано или поздно.

– Думаешь?

– А какая альтернатива?

Мог бы и не спрашивать. Он и сам знал, какая альтернатива, но приказал себе не перебирать грустные сценарии до возвращения Петера. И не стоит даже пытаться понять, что с ними произошло – так можно и свихнуться.

Если не смотреть в окно – ничего странного. Всё как обычно. Они с Кариной сидят за столом и обсуждают ежедневно возникающие практические вопросы. Что может быть естественнее?

– Проведем кампанию, – неожиданно сказала Карина.

Стефан настолько погрузился в попытки отнестись к их положению более или менее философски, что потерял нить разговора.

– Прости... какую кампанию?

– Насчет селедки. Селедочную кампанию.

– Вот именно, – сказал Стефан. – Решение найдено. Проведем селедочную кампанию.

* * *

Петер опять забрался в машину, завел мотор и осторожно нажал педаль газа. Чувство одиночества настолько всеобъемлюще, что даже внутренний голос умолк. На обитом кожей

сиденье находится всего лишь оболочка человека, который совсем недавно был Петером Сундбергом. Скорлупа, надувной шарик, который вот-вот разлетится в клочья в абсолютном вакууме пустоты.

Навигатор несколько раз мигнул, и картинка исчезла – дисплей стал синим, почти таким же мертвенно-синим, как небо над головой. Да небо ли это? Петер постучал по экрану, заранее зная, что не поможет.

Петер выключил джи-пи-эс, снова включил – никакого эффекта. Вспомнил, что таким цветом навигатор показывает водоемы. Если верить прибору, он находится посередине океана, в тысячах километров от ближайшей земли. Понажимал кнопки, проверил настройки – ничего. Ни притворяющейся трехмерной голубой стрелки, показывающей положение его машины, ни дорог. Странно, но страха он не почувствовал. Наоборот – появилось чувство миновавшей опасности. Опасности, которую он только что избежал.

К тому же появилась возможность поэкспериментировать. Он дал задний ход. Через тридцать метров дисплей дрогнул, и появилась карта несуществующей местности.

Петер нажал на тормоз, прижался подбородком к баранке и внимательно взгляделся. Где-то в двух-трех метрах перед капотом проходит граница, но никаких видимых признаков границы нет.

Он открыл дверцу и вылез из машины. Странное ощущение. Он вспомнил, как пару лет назад прилетел в Таиланд. Проведя много часов в обманчивой прохладе кондиционеров, вышел из здания аэропорта, и на него, как медведь, – или, ближе к южно-азиатским реалиям, не как медведь, а как слон, – навалилась тяжелая, влажная жара. Похожее чувство, хотя совсем другого рода.

Он сел на траву в пяти метрах от машины, обхватил руками колени и прислушался. Абсолютная, ничем не нарушаемая тишина. И никого рядом – ни Изабеллы с ее вечным недовольством, ни Молли – недоброй и коварной девчонки, изображающей сказочную принцессу. И вообще никого. Ни единого человека. Никто не тянет его за рукав, никто не претендует на его помощь.

Никого и ничего. Словно все замерло вокруг. Безупречное молчание... как и тогда, в то короткое мгновение, когда закрученный мяч летел к воротам, чтобы угодить в верхний угол. Через мгновение стадион взорвется воем, соперники побледнеют от разочарования, товарищи по команде вскинут руки и бросятся душить его в объятиях... но пока мяч еще в воздухе и стадион «Василь Левски» затаил дыхание. Такая же идеальная тишина. Тишина под напряжением десять тысяч вольт.

И вот он сидит здесь, Петер Сундберг. Сидит на траве, похожей на подстриженный футбольный газон. За эти годы он помог десяткам, если не сотням, женщин. Если уж на то пошло, мужчинам он помогал тоже, но в подавляющем большинстве – женщинам. Психологи быстро сообразили, что к чему, и начали посылать к нему неуверенных, раскисших, разочарованных в жизни женщин – может быть, их интересуют тренировки и аэробика?

Через четверть часа с Петером почти все покупали годовой абонемент, и он старался не обмануть ожиданий. Он сразу запоминал их имена и не скупился на слова поощрения.

«Как ты, Салли? Выглядишь сегодня на все сто...». «Как у тебя с ногой, Эбба? Как ты быстро восстановилась. Круто». «Ты сможешь, Маргарета. Я знаю – ты сможешь».

Половина его подопечных мгновенно в него влюблялись, а если им не удавалось добиться взаимности, тут же начинали доверять ему свои секреты, особенно те, кто нанимал его как персонального тренера.

После тренировки предметом разговора в раздевалке становятся не только успехи и недостатки, но и подробности личной жизни. В эти короткие мгновения тренер и ученица оказываются замкнуты в мыльном пузыре взаимного доверия, когда женщинам хочется рассказать всю подноготную про себя и свою жизнь.

Петер никакой не психолог, он никогда не дает никаких советов – кроме, разумеется, тех, что касаются пищевых добавок и стретчинга. Но он умеет слушать. Он умеет кивать, покачивать головой и произносить «mmm...», повышая интонацию в конце, что придает этому «mmm» несомненно одобрительную окраску. И, оказывается, этого достаточно. Как еще объяснить невероятное количество букетов и бутылок дорогого вина, которые он получил за четыре года работы тренером?

Но даже не это главное. С чем сравнить чувство удовлетворения, когда ты видишь женщину сорока – пятидесяти лет, которая выглядит как мешок с картошкой, к тому же глубоко несчастный мешок с картошкой, – и знаешь, что через год из зала выйдет другой человек. Может, и не Мисс Вселенная – но уверенная в себе, заряженная никогда ею ранее не испытанной психической и физической энергией женщина. Прямая спина, веселые искорки в глазах.

Это и есть его главная награда.

Петер кивнул сам себе и посмотрел на предплечья – жилистые, мускулистые, покрытые пушком светлых волос, и по телу прошла приятная судорога, руки покрылись гусиной кожей.

Он встал. Открыл объятия и представил, что обнимает целую ораву женщин. Его женщин. Женщин, которых он вытащил из беспросветного омута апатии и безразличия к жизни. Их благодарность, их любовь окружила его теплым облаком.

Эва, Алин, Беатрис, Катарина, Карин, Лена, Ида, Ингела, Хелена, Маргарета, София, Сиселла, Анна-Карин...

Вот они. Все в одинаковых тренировочных костюмах. Черные тайтсы, черные облегающие топы. Он представил их сияющие, обращенные к нему лица, и тело вновь прошла сладкая судорога, его охватил совершенно неуместный восторг, требовавший выхода. Он несколько раз подпрыгнул с криками «Йеп, йеп!», бросился к машине и включил радио.

Мона Вессман, «Хамбустинга в мини-юбке»⁴:

На пение скрипки, играющей хамбу,
Стекаются люди с холмов.

Подняли ногу, ум-па, ум-па, другую подняли, ум-па, ум-па, руки в стороны на уровень плеч, повторили... ум-па, ум-па... еще разок, и еще...

Все до одной следуют ему в этом оглушительном, одуряющем ритме, неумолимо повторяют каждое его движение, присоединяются все новые и новые... толпа танцующих растет и растет, пока не заполняет все бескрайнее поле... до самого горизонта вскидывают руки и ноги женщины в соблазнительных, обтягивающих одеждах. Это как раз то самое, о чем он мечтал, но никогда не мог воплотить в жизнь. Синхронный танец, абсолютное, лишённое рефлексии и физических ограничений сообщество. Он подпевает вместе со всеми рефрен:

Нам бы, нам бы, нам бы
В мини-юбке хамбу!

И пока тают последние аккорды, он понимает, что сейчас наступит оргазм. Петер еле успел выпростать из шорт мощно напрягшийся, разбухший член... Два прикосновения – и наступило извержение такой силы и сладости, что у него подогнулись ноги.

Покой. Он ничего не чувствует, кроме покоя и умиротворения.

⁴ Песня Петера Химмельстранда. Мона Вессман – известная певица, одно время подруга Химмельстранда.

* * *

Бенни поднял голову и поднял ухо: новый звук. Посмотрел на Хозяина и Хозяйку – сидят за столом и, похоже, ничего не замечают. Бенни потихоньку прокрался вдоль колеблющейся нейлоновой стенки к выходу и выглянул. Несколько штук. Он, еще один Он, Она, еще Она... не сосчитать. Идут к ним. Но что это за звук?

Бенни обернулся и увидел, как Хозяин достает из шкафа рядом с его корзиной жестяные банки. Это Бенни знакомо – не раз так было. Все начинают громко разговаривать, норовят погладить «собачку»... Бенни это совершенно не по нраву.

Поэтому он набрался храбрости и выскользнул из палатки.

Он, Он, и Она, и еще одна Она... сколько их... пролезли в палатку, и Бенни воспользовался случаем обследовать окрестности. Но что это за звук? Похож на те, что иногда доносятся из коробки на столе у Хозяина.

Отсутствие запахов очень тревожно. Метить ревид – бесполезно: какой смысл, когда все равно никого нет? Но на всякий случай... мало ли что: вдруг невесть откуда прибежит Лиса, или другой Пес, или Кошка обнаглеет.

Бенни посмотрел на кошачий кемпер. Там сейчас никого, кроме Кошки, нет. Может, забежать и показать ей, где раки зимуют?

И еще новый звук – какой-то скрип. Он подошел поближе.

Маленький Он и Маленькая Она. С Маленькими Людьми надо быть осторожным. Никогда не знаешь, что от них ждать. Могут за хвост дернуть, к примеру. У них много гадостей в запасе. Он остановился на приличном расстоянии и склонил голову набок – интересно, чем они там занимаются? Открыли люк...

Бенни ясно чувствовал, что они делают что-то такое, что им делать запрещено. По Ней не скажешь, а по Нему – сразу видно. Бенни знает по себе – если тебе запретили подходить к сосискам, а ты все же не удержался и стянул парочку, у тебя будет точно такой же вид. У Бенни много табу, он очень хорошо знает разницу между Правильно и Неправильно. И этот Маленький... он знает, что поступает неправильно, и ему обязательно за это влетит. Рано или поздно.

* * *

Майвор замужем за Дональдом уже сорок шесть лет. Он сделал ей предложение как раз на свой день рождения – ему исполнилось двадцать шесть, и она согласилась. Не видела причин для отказа. В то время Дональд работал на пилораме, но Майвор знала, что у него есть потенциал и он обязательно поднимется. И оказалась права.

Родила четырех сыновей, и все вышли в люди. Вела большое хозяйство, готовила, мыла посуду, стирала, убиралась и делала покупки. И никогда не жаловалась на мужа – не видела причин.

Никогда пальцем ее не тронул, даже когда бывал пьян. Изменял ли? Наверное, изменял, но, по ее рассуждению, в разумных пределах. Мужчины есть мужчины... конечно, несколько раз всплакнула, обнаружив, что его сорочка пахнет чужими духами, но нашла силы заставить себя забыть и не задавать вопросов.

Ходил с ней в церковь по воскресеньям – большой подвиг с его стороны, если учесть, что он не разделяет ее веру. А она никогда не пыталась заниматься миссионерством и навязывать ему свое представление о вере и кротости.

А так, если посмотреть, – обоим повезло. Оба из бедных семей, никаких особых талантов – и воспитали четверых благополучных сыновей, купили виллу у моря на двести квадратных

метров, две машины, катер... Бог не оставлял их, лик Его всегда был обращен к ним с сочувствием – грех жаловаться.

Майвор не знала что и думать. Наверняка вмешательство Бога, как и все остальное на земле. Появится удобный случай – попробует спросить Господа. Но Он вряд ли ответит... придется, как и всегда, полагаться на себя. Так и должно быть.

Но в ближайшие часы уединиться вряд ли удастся. Соседи по предложению Дональда собираются в их палатке. Надо принять их достойно. Она – замечательная хозяйка. Это Майвор слышала тысячу раз.

Надо оставаться самой собой, доброй и приветливой Майвор. Что бы ни случилось.

* * *

- И почему мы должны это делать?
- Потому что это весело, вот и все.
- Почему весело?
- Увидишь, глупый щен!
- Я не хочу больше играть в собак. Скажи сейчас.
- Что тебе сказать?
- Ну, насчет этого... с чудовищем.
- Не-а.
- Ты же обещала! Сказала, что...
- Сначала я должна быть уверена, что ты никому не разболтаешь.
- Никому.
- Клянешься?
- Да! Клянусь!
- Клянешься мамой? Повторяй: если я кому-то расскажу, пусть мама умрет!
- Ты что?!
- Вот видишь... точно разболтаешь.
- Сказал же – никому. Клянусь!
- Клянешься мамой?
- Эмиль уставился на Молли как на сумасшедшую.
- Клянешься мамой?
- Клянусь.
- Нет, не так. Говори: если я кому-нибудь расскажу, пусть мама умрет.
- Если я кому-нибудь расскажу, пусть мама... нет, не хочу.
- Значит, достанешься монстру.

* * *

За столом в палатке у Дональда собрались семь человек. По трое по бокам и Дональд на председательском месте. Только перед Стефаном и Дональдом банки с пивом; остальные пьют воду, лимонад или вообще ничего не пьют – все-таки еще утро... наверное. Если верить часам – утро.

Дональд поделился открытием – работающее радио. Транзистор по-прежнему исправно гудел, и они, переглядываясь, прослушали «Хамбустинту в мини-юбке». Потом, без всякого представления, начался следующий лот – голоса диктора они так и не услышали.

Совещанием это можно было назвать с большой натяжкой – настроение подавленное. То и дело оглядывались на откинутый полог входа в палатку – не подошли ли остальные. Никто не произнес ни слова. Почему-то казалось важным, чтобы присутствовали все.

Дональд сделал большой глоток пива, откинулся на стульчике, положил руки на живот.
– Вот так вот...

Все закивали, подтверждая справедливость высказанной мысли, а Стефан даже сказал: «Да уж...» – что скорее прозвучало как благодарность за пиво.

Майвор обратила внимание: у Изабеллы сильно дрожат руки. Положила ладонь ей на предплечье.

– Вы нездоровы, дорогая?

Изабелла звучно проглотила слюну.

– Может быть, у вас найдется конфета?.. «Дайм» или «Марс»... все равно что.

Дональд хмыкнул:

– На сладенькое потянуло? Ну что ж, сладким – сладкое...

Он победоносно завертел головой, но никто даже не улыбнулся его шутке. Напрягся, чтобы придумать еще что-то в этом роде, но поймал на себе укоризненный взгляд Майвор и молча отпил еще глоток пива.

– Я позавчера испекла булочки, – сказала Майвор.

Изабелла сложила руки крестом и зябко потерла предплечья.

– Спасибо, пойдет.

Майвор, побряхтывая, поднялась по лесенке и скрылась за дверью.

Дональд неодобрительно посмотрел ей вслед, повернулся к Стефану, хотел что-то сказать, но раздумал. В палатке вновь воцарилось тягостное молчание.

Он обвел взглядом присутствующих и будто впервые заметил Леннарта и Улофа. Те устроились друг напротив друга в конце стола.

– А вы? – спросил Дональд. – Вы что за фигуры?

– Леннарт, – сказал Леннарт.

– Улоф, – сказал Улоф. – Леннарт и Улоф.

– Как бывшие лидеры нашей партии. Партии центра.

– Не помню таких. Фельдина⁵ помню, а остальных нет. Зато могу перечислить всех американских президентов.

– Ничего себе... – сказал Леннарт.

– Ничего себе... – как эхо, повторил Улоф.

Глаза Дональда сузились – уж не насмеются ли над ним эти дуболомы? Похоже, нет. Смотрят с интересом. Он начал загибать пальцы.

– Вашингтон, Адамс, Джефферсон, Мэдисон...

Краем глаза заметил, как Майвор осторожно спускается по лесенке с миской в руках. Он знал, как она относится к демонстрации его талантов, но остановиться уже не мог.

– Монро, Адамс, Джексон, ван Бурен, Гаррисон...

Майвор не успела поставить миску на стол, как Изабелла жадно схватила сразу две штуки и начала лихорадочно жевать. Майвор улыбнулась и кивнула Изабелле – инстинкт хозяйки. Всегда приятно, когда люди уплетают твою стряпню.

– Тайлер, Полк, Тейлор...

Стефан вздохнул. Ему не давала покоя эта чертова селедка. Наверняка три сотни банок. Загромоздят все проходы на складе, и куда их девать? Если бы только можно было сделать один-единственный звонок... а почему это невозможно? Конечно, где-нибудь в Норрланде, в самой глуши, далеко от моря, наверняка можно найти зоны, где нет покрытия... но это же не Норрланд! Настолько не Норрланд, насколько можно представить...

– Филмор, Пирс, Бьюкенен, Линкольн...

⁵ Председатель Партии центра (1971–1985).

Дональд произносил фамилии, не сводя глаз с Леннарта и Улофа. Выхваченные прожектором взгляды Дональда, они словно замерли в ожидании следующего кадра. В этом перечислении длинного ряда давно отгремевших имен им виделось что-то агрессивное, даже пугающее. Им бы хотелось взять друг друга за руки, но, не сговариваясь, решили, что лучше этого не делать.

– Джонсон, Грант, Хейс, Гарфилд, Артур...

Карина перехватила взгляд Стефана в сторону входа и поняла: он думает о том же, что и она. Эмиль. Он уже полчаса с этой девчонкой. Больше всего ей хотелось выйти, взять Эмиля за руку и увести с собой, но она знала, что делать это не следует. Мальчику трудно сходить с детьми, мешают робость и застенчивость. Что из этого следует? Из этого следует, что надо радоваться: Эмиль играет с девочкой. Она сделала некоторое усилие, чтобы заставить себя радоваться.

– Кливленд, Гаррисон, опять Кливленд...

Каждый раз, когда ему приходится демонстрировать свои способности, Дональд делает это с удовольствием. У каждого имени есть лицо, каждое имя – период в американской истории. Он никакой не эксперт, но эти имена, собранные в единый список, – это и есть Америка. Возможности. Люди находят в себе силы подняться над обделившей их при рождении судьбой, сами куют свое счастье, сбрасывают оковы прошлого и обретают то, к чему только и стоит стремиться. Обретают свободу. Эти имена... не столько список давно умерших людей, сколько молитва, бесконечно повторяющаяся литания.

– Мак-Кинли, Рузвельт, Тафт...

Изабелла приступила к четвертой булочке. Ей бы ничего не стоило расправиться со всей миской, а потом, как хищный ящер, скрыться в темном углу и замереть, переваривая жизненно необходимые калории. Болезнь помогает поддерживать форму, но платить приходится дорого.

– Вильсон, Гардинг... подождите... Вильсон, Гардинг...

Карина настолько упорно заставляла себя радоваться, что Эмиль нашел себе подружку, что не заметила, как он сам проскользнул в палатку, бросился к ней и, вздрагивая, спрятал лицо у нее на груди.

– Что с тобой, любимый мальчик?

Эмиль замотал головой и потерял лбом о ее ключицу.

– Вильсон, Гардинг... потом второй Рузвельт... а кто же между ними?

Карина подняла глаза. У входа, облокотившись на стойку каркаса, стояла Молли. Пожала плечами, покачала головой и невинно улыбнулась, словно хотела сказать «я-то тут при чем».

– Помогите же кто-нибудь... – растерянно сказал Дональд. – Вильсон, Гардинг и потом...

Наступило молчание, прерванное автомобильным сигналом.

Все вскочили с мест, и сразу стало понятно, почему не клеился разговор: они только и ждали этого гудка, просто инстинктивно не хотели в этом признаться. Что-то узнать.

Чуть не отталкивая друг друга, бросились к выходу. Молли уже ускакала. Только Дональд остался на своем месте. Уставился в пространство и шевелил губами, еле слышно повторяя:

– Один пропал. Одного не хватает.

* * *

Голод удалось кое-как утолить. Она прихватила последнюю булочку и с облегчением покинула палатку – вульгарнее обстановки в жизни не видела.

Как люди могут быть настолько лишенными вкуса?

Изабелла выросла в семье, где оба родителя были истинными эстетамы, поэтому любое проявление дурновкусия вызывало у нее самый настоящий приступ тошноты, вплоть до рвоты. В их доме каждый предмет был тщательно отобран и помещен на долго обсуждаемое место. Ее

комната напоминала скорее монашескую келью, чем девчачью спальню с мускулистыми красавцами на плакатах. Никаких селфи, никаких карточек футболистов, никаких замусоленных мишек.

Неделя в кемпинге стала для нее серьезным испытанием. Изабелла сама не знала, что она ожидала, но безвкусица в малейших деталях была просто оглушительной, а люди... возможно, они просто не показывали виду, старались приспособиться к этой безвкусице. Но, скорее всего, просто не замечали. Она возненавидела кемпер и возненавидела Петера – какого лешего он уговорил ее ввязаться в эту поездку? Какие-то у него детские воспоминания, как они с мамой жили в кемпинге, – мама, кемпинг, тяжелое детство... бла-бла... Изабелла возненавидела заодно и его тяжелое детство. Воспоминания об этом чертовом «тяжелом детстве» приводили ее в ярость.

Какого черта вообще вспоминать детство? Свое собственное она вычеркнула из памяти. Не думала, не обсуждала, не вызывала воспоминаний. И никогда не использовала детские комплексы, чтобы настоять на своем. Для этого есть другие средства.

На выходе она украдкой посмотрела на Дональда. Сидит с отвисшей челюстью. Даже с места не сдвинулся. *«Не затрудняйте свою хорошенькую головку дурацкими вопросами»*. Наверное, и у старого идиота было тяжелое детство... Наверное, он окуклил свое невыносимое детство, поместил где-то в солнечном сплетении и теперь мучается от болей, причиняемых инородным телом в животе. Хрен с ним.

Изабелла, стараясь не суетиться, пошла к машине, но внезапно остановилась.

Петера окружили люди – население необитаемого газона. Но в нем самом что-то изменилось. Что? Она попыталась определить, но ничего не вышло. Что-то изменилось... будто свет падает на него под другим углом, чем на остальных.

* * *

Первое, что спросил Петер:

– Вы разжигали гриль?

Все посмотрели друг на друга. Все прекрасно знали, что к грилю никто не притрагивался, но такие вещи всегда требуют дополнительного подтверждения. Обменялись безмолвными вопросами: *«Ты жарил что-то?»* – *«Я нет, а ты?»* – *«И я нет. Никому бы в голову не пришло»*. – *«А почему он спрашивает?»*

Первым озвучил вертевшийся на языке вопрос Стефан:

– А почему вы спрашиваете?

– Показалось, пахнет дымом. Будто кто-то жарил мясо на гриле.

– О'кей. – Стефан покосился на остальных. – Что вы видели? Что там... что там есть?

– Ничего. То же самое, что и здесь.

Стефан ждет продолжения. Как можно примириться с мыслью, что Петер говорит правду? Что все обстоит именно так, как он представлял, – но загонял эту мысль подальше, в глубины подсознания. Хотя... одного он не может понять: почему Петер выглядит таким возбужденным? Что-то здесь не сходится.

Изабелла сделала шаг вперед.

– Какого черта... ты что, совсем ополоумел? Лепечешь какую-то херню, как чокнутый... Да еще врешь при этом.

Петер уставился в землю и покраснел. Как ребенок, которого мать застала за воровством субботних лакомств. По щекам пошли красные пятна.

Все переглянулись, ничего не понимая.

Наконец он поднял голову.

– Там есть как бы... граница. Когда ее пересекаешь, все... как бы... как бы по-другому.

– Как понять – по-другому? – удивился Стефан. – То же самое, но по-другому?
Петер почесал в затылке.

– И думаю... а может, показалось... мне показалось, я видел человека.

Изабелла сделала судорожное движение, будто хотела его ударить.

– Человека? Ты видел *человека*? И так спокойно об этом говоришь... совсем ку-ку?

– Я же говорю – может, показалось... Очень далеко.

– И какого хрена не подъехал поближе?

– Еще раз говорю – там граница. Переезжаешь ее – и навигатор перестает работать.

Боялся заблудиться.

Изабелла уставилась на Петера, потом повернулась к остальным и сделала обреченный жест.

Я же говорила. Теперь вы все видите, с кем мне приходится жить. С этой жалкой пародией на мужчину.

Взяла Молли за руку и обратилась к ней так, чтобы все слышали:

– Несчастное дитя. Ты зачата мужиком без яиц.

И двинулась к своему кемперу.

* * *

Дональд панически боялся деменции. Деменция, сенильность, Альцгеймер... в последний год страх этот рос и рос. Дня не проходило, чтобы он не думал об опасности выжить из ума.

И причины к тому были: появилась забывчивость. Он открывал шкаф и останавливался в растерянности: зачем я сюда полез? Никогда раньше ему не требовалось доставать записную книжку, чтобы вспомнить имена субподрядчиков, с которыми он работал десятилетиями. Пока никто ничего не замечал, даже Майвор, но он с ужасом думал, что в один прекрасный день ему позвонит кто-то из детей, и он не сможет вспомнить имя.

А теперь еще и этот список президентов...

Если и было что-то, что он смог бы отбарабанить даже в отделении для сенильных стариков в доме престарелых, так именно этот чертов список. Фамилии и сейчас сидят, будто ввинченные насмерть. Все – кроме одной. Как же его звали? Этого, между Гардингом и Гувером? Насчитал сорок три, а должно быть сорок четыре. Он уже мысленно перебрал весь алфавит, в надежде, что какая-то из букв сама выведет его на ускользнувшую из памяти фамилию.

Ну вот же они все, до Барака, мать его, Обамы – все, кроме одного. Кто же там затесался между Гардингом и Гувером?

Ужасно. Купить дом и вдруг обнаружить, что не хватает двери или окна. Список не полный, не совершенный, с дыркой – и ему представляется, как туман деменции проникает в эту дырку, материализуется в колеблющееся дымное привидение и длинными вихлястыми пальцами выгребает из памяти кажущийся ему ненужным мусор.

Дональд тряхнул головой, виновато улыбнулся и обнаружил, что в палатке никого нет, а снаружи слышны голоса. Ага... голос Петера – значит, вернулся.

Он тяжело встал, скрипнув стулом, и мельком посмотрел в зеркало – надо же придать лицу нужное выражение. Человек, от которого ждут разумных и радикальных решений. Нечего убиваться по мелочам, когда проблемы уже хватают за горло. Подумаешь – забыл какого-то малозначительного президента!

Дональд прокашлялся, выпрямил спину и вышел из палатки.

Первой он увидел Изабеллу – она, держа за руку Молли, направлялась к своему кемперу. Покосился на ее покачивающийся зад... промелькнувшая мысль об изнасиловании быстро сменилась желанием снять с нее штаны и выпороть как следует, чтобы на этой модельной жопке вспухли розовые рубцы...

Стоп!

Он мрачно посмотрел на столпившихся у машины товарищей по несчастью. Петер, как ему показалось, не в себе – машет руками, что-то лепечет, а остальные качают головами. Пора брать дело в свои руки.

– И как там? – спросил он Петера.

Петер посмотрел на него непонимающе. Вместо него ответил приказчик из *ISA*:

– Очевидно, почувствовал какой-то дым... И еще: Петер видел человека.

– Вот как... а что еще?

– Ничего.

– Откуда дым? Что за человек? Петер? Ты выяснил, Петер?

Петер провел рукой по крыше своего элегантного джипа, будто стер невидимую пыль.

– Нет, – сказал он, глядя в глаза Дональду.

– Но... какого черта? Почему?

Пыль не стиралась – Петер продолжал гладить полированный кузов.

– Не знаю...

Дональд покачал головой, даже не стараясь скрыть разочарование. Он-то рассчитывал найти в Петере союзника, человека, умеющего решать проблемы. А тот лепечет какую-то чушь, будто из него воздух выпустили.

Он обнял Петера за плечи.

– Пошли прополощем горло, Петер, там и поговорим. Пока пиво холодное.

* * *

Леннарт и Улоф, вернувшись в свой прицеп, первым делом решили убедиться, не локальный ли это феномен – работающее радио в палатке у Дональда. Нет, не локальный – из потерянного старенького «Люксора» исправно полились звуки любимого лота Улофа – «Так начинается любовь». Агнета Фельтскуг и Бьорн Ульвеус.

Идем с тобою рядом, а ведь еще утром
Не знал я и не думал, что ты на свете есть.

Леннарт уселся на диванчик и весело посмотрел на Улофа – тот закрыл дверь и начал раскачиваться в такт музыке. Леннарту песня тоже нравилась, но на его вкус в ней многовато романтики.

Какая удача – в толпе повстречаться,
А потом танцевать до утра.

Улоф взял Леннарта за руку, поднял с дивана и открыл объятия – кавалеры приглашают дам.

– Самый простой из простейших – фокстрот.

Он продемонстрировал несколько па, и прицеп закачался.

Леннарт сделал шаг вправо, потом шаг влево, отвел руки Улофа, попятился и наткнулся задом на кухонный столик.

– Я не танцую. Не умею.

Улоф посмотрел на него, будто не понял.

– Как это?

– Так это. Не умею, и все.

– Ясное дело, умеешь. Все умеют.

– Все умеют, а я не умею.

Леннарт решительно сел на диван и посмотрел в окно. Смотреть было не на что, однообразное зеленое поле, а он смотрел, и довольно долго. Улоф выключил приемник, подошел, сел рядом и положил ладонь ему на предплечье.

– Слушай, тут такое дело...

– Ну?

Леннарт покосился на Улофа. Тот по-собачьи склонил голову набок. Взгляд беспокойный и виноватый.

– Что... чересчур интимно? Танцевать, что ли, чересчур интимно?

– Ну нет... или... вообще-то да... наверное.

Улоф убрал руку и уставился в стол.

– Мы же спим вместе.

– Да. Спим. Но это другое дело.

– Другое, да. Я знаю. Ты, наверное, прав... – Он почесал в голове. – Ну, прости. Песня такая... нашло на меня.

– Что тут извиняться? Я, может, тоже хотел бы... ну и все такое.

– А ты и вправду танцевать не умеешь? – спросил Улоф после долгой паузы. – Никогда не учился?

– Нет... Меня тошнило от этих уроков.

– А меня мать научила. Лет, наверное, в четырнадцать-пятнадцать.

– Да... моя-то мать в балерины не годилась, если ты помнишь...

– Еще бы не помню. Ясное дело, помню.

Леннарт помрачнел, и Улоф пожалел, что ляпнул про мать. Надо было подумать... Маму Леннарта лягнула лошадь, и Улоф прекрасно ее помнил: рано постаревшая, прихрамывающая женщина с палочкой.

Не надо было вообще затевать этот разговор. Теперь-то все встало на свои места – он вспомнил. Когда он с Ингелой и Леннарт с Агнетой ходили на танцы, Агнета всегда танцевала с другими кавалерами. Леннарт ссылался то на спину, то на колени и сидел в баре. Улоф думал – из-за застенчивости.

– Ну что, – сказал он, меняя тему. – Пойдем попробуем нашу штуковину?

Леннарт кивнул.

Улоф двинулся к двери и почувствовал на плече руку Леннарта. Он обернулся.

Леннарт погладил его по щеке.

– Извини.

– Не за что извиняться. – Улоф прижал руку Леннарта к щеке и улыбнулся. – Как есть, так есть. Плохо, что ли?

«Штуковина» лежала на складном столике у входа. Улоф, разумеется, знал, как правильно: «айпод с динамиками», но, поскольку не умел с ним обращаться, предпочитал нейтральное название – «штуковина».

А вот Леннарт с современной техникой на «ты». Мобильные телефоны, компьютеры... Улоф оправдывал себя тем, что у дочери Леннарта Гуниллы хватало терпения объяснить отцу, что к чему, в то время педагогические таланты Анте не простирались дальше одной-единственной фразы: «Читай инструкцию».

Улоф сел на складной стульчик и одобрительно кивал, глядя, как Леннарт подключает прибор. И у Леннарта настроение улучшилось: всегда приятно делать то, что ты умеешь, а другие не умеют.

– Здорово ты с этим управляешься, – подсыпал сахара Улоф.

– Показать?

– Ну, нет, пусть уж это будет твоя епархия. А я тебе покажу, как танцевать. Как-нибудь.

Леннарт улыбнулся, подумал и кивнул.

– А почему бы нет? *Super trouper?*⁶

– *Muy bien, gracias.*

– *De nada, señor...*

Леннарт нажал на кнопку. Улоф откинулся на стульчике и зажмурил глаза. После нескольких легких аккордов послышался несравненный голос Агнеты Фельтскуп:

Lay all your love on me...

Отдай мне всю твою любовь...

Muy bien.

Очень хорошо.

* * *

Эмиль немного успокоился, но категорически отказывается рассказать, что его огорчило. Как только Стефан или Карина начинают спрашивать, он зажимает уши и начинает жужжать.

Стефан сунул руки в карманы и в который раз посмотрел на горизонт. *Ничего*. Пустота. Так не может быть. Конечно, на Земле встречается что-то подобное – пустыня, например. Или море. Но трава? Раз трава, значит, должны быть цветы, кусты, насекомые...

А если мы не на Земле?

Смехотворная мысль. Прибыл космический корабль, погрузил четыре кемпера с машинами и обитателями, отвез в какое-то, мягко говоря, странное место... а инопланетяне, чтобы новоселы не затосковали, гоняют по радио старые шведские хиты. Как в плохом фильме. Или ладно, в хорошем фильме, но в действительности такое не случается.

Кто-то включил на полную громкость *Lay all your love on me...* Стефан никогда не был большим поклонником *ABBA*, – во всяком случае, никогда не вслушивался, а сейчас вдруг заметил, что рефрен звучит почти как церковный хорал, нечто сакральное. Псалом или молитва.

– Папа... тут нет птиц.

– Похоже, ты прав.

– Фу, как глупо. А как же мы будем *уокделяйничать*? И деревьев нету. А что есть?

– Ну... люди пока есть. Кемперы есть. И машины.

– Но ведь наверняка еще что-то есть, да?

– Должно быть...

Как и многие самые интересные игры, игра *Уокделяйн* придумалась случайно. Стефан измерял расстояние между сарайчиками – надо было представить проект и получить разрешение на строительство. Натянутый шнурок прошел через маленькую рожицу на участке, всего несколько деревьев. Не успел Эмиль пройти вдоль шнурка и двух шагов, как увидел зяблика. Еще через шаг – буквально из-под ног вспорхнула трясогузка. А когда дошел до Стефана, оба засмеялись – на дереве, к которому был привязан шнурок, застучал дятел, да с такой скоростью, что даже слово «застучал» не подходит. Не застучал, а застрекотал.

Шнурок не стали снимать – установили, что, когда идешь вдоль шнурка, птицы попадают гораздо чаще. С тех пор Эмиль каждый день ходил по шнурку, ставя ноги по обе стороны, и то и дело поднимал голову. Как-то раз он шел «по шнурку» с родителями, и Стефан начал

⁶ Песня группы *ABBA*.

напевать: «*Because you're mine, I walk the line...*»⁷ после чего игра получила название *Walk the line. Уокделяйн*.

– Стефан... – Карина поднялась с диванчика. – Как хочешь, но мы должны разузнать, что там есть...

– Должны-то должны... хорошо бы. Но маленькая деталь: у нас нет навигатора. А здесь... посмотри сама – ни единого ориентира. Заблудиться легче легкого. Но ты, разумеется, права: надо что-то предпринимать. Сидеть на месте – много не высидишь.

Карина ущипнула себя за кончик носа и задумалась.

– А может быть, можно... или...

– погоди, – перебил ее Стефан. – Я знаю, что мы сделаем.

– Что, папа? – Эмиль, не дождавшись немедленного ответа, начал теревить отца за рукав. – Что?

Стефан посмотрел на сына и улыбнулся:

– *Уокделяйн*.

* * *

Дональд отослал Майвор в кемпер – ему надо было поговорить с Петером с глазу на глаз. Немного обидно, конечно, но она молча подчинилась, потому что умела выбирать поле боя, отделять важное от неважного и не собачиться по пустякам. Чаще всего Майвор уступала, но если она противилась – значит, так тому и быть. Дональд в таких случаях даже не возражал. Этот договор возник не сам по себе. Помог случай, произошедший на четвертом году их супружеской жизни.

Их годовалый сын Альберт спал в детской кроватке в супружеской спальне, а у старшего, трехлетнего Густава, была отдельная комнатка. Альберт плохо спал, по нескольку раз за ночь просыпался с криком, требовал, чтобы его взяли на руки. Тогда Дональд решил поместить его в комнату к брату. Пусть отвыкает от баловства, сказал он.

Уже на второй день Майвор не выдержала. Альберт заходился в крике, никак не мог заснуть. Мало того – начал пищать и Густав, хотя чуть более осмысленно. Майвор хотела пойти к детям, но Дональд ее удержал.

– Дай ему время привыкнуть.

Майвор лежала без сна, вслушиваясь в крик малыша. Голос осип, крик перешел в бес- сильные всхлипывания. Сердце ее разрывалось.

На третий день история повторилась. Но на этот раз по-другому.

Она попыталась встать, но Дональд удержал ее силой.

– Отпусти меня, Дональд. Я не шучу. Отпусти меня.

Он еще крепче сжал ее руку. Мало того – не засыпал, следил, чтобы она не ускользнула. Отчаяние в крике мальчика сменилось ужасом. Каждая клеточка в ее теле тоже надрывалась от крика – иди же, возьми его на руки!

Но Дональд был намного сильнее ее.

На следующий день она приготовила ему на обед *чили кон карне* и положила в тарелку ложку крысиной отравы. Сидела и смотрела, как он ест. Морщится, крякает, на лбу выступили капли пота. Немудрено – она положила двойную порцию красного перца, чтобы скрыть вкус яда.

Он еще не успел доесть, как побледнел и еле добежал до туалета – началась неукротимая рвота. Когда она вошла, он лежал на полу. Она протянула ему кувшин со сливками:

– пей. Я дала тебе крысиную отраву.

⁷ Песня Джона Кэша, 1957 год.

Дональд молча уставился на нее, но возражать у него не было сил. Он заставил себя выпить почти весь кувшин. Рвота возобновилась.

Он вышел из туалета часа через полтора, совершенно обессиленный бесчисленными приступами рвоты и профузного поноса.

– Я пишу заявление в полицию. Ты пыталась меня убить.

– Пиши, – согласилась Майвор. – Надеюсь, сам понимаешь, что на этом наш брак закончится. Но есть и другая возможность: когда я говорю нет – значит, нет. И тогда ничего подобного никогда больше не повторится.

Дональд выбрал второе, и Майвор никогда больше не пришлось прибегать к крайним мерам. Альберт спал в их спальне еще год, а когда переехал в другую комнату, Дональд молча следил, как Майвор встает и идет его утешать.

За все прожитые годы было всего несколько случаев, когда Майвор всерьез настаивала на своем, недвусмысленно говоря «да» или «нет», и Дональд научился понимать, где лежит граница ее терпения. Майвор, со своей стороны, тщательно следила, чтобы не девальвировать свое право вето слишком частым употреблением. В семье царил мир.

* * *

Дональд, не спрашивая, поставил на стол две банки с пивом и подождал, пока Петер сделает глоток.

– Нас здесь двое, кто способен действовать. Ты и я. Думаю, ты и сам это понимаешь.

Петер поднял на него глаза, и Дональд понял, что футболист не так уверен в собственной дееспособности, как он сам. Поэтому повторил:

– Ты – *дуер*⁸, как и я. Человек действия. Не сидишь и не крутишь пальцы на брюхе, пока кто-то другой решает твои проблемы.

Петер пожал плечами. Ну что ж, для начала и этого достаточно. Дональд перегнулся через стол и понизил голос – подчеркнул особую доверительность разговора.

– Начнем вот с чего... Расскажи толком, что ты там видел. Надо же хоть от чего-то оттолкнуться.

Петер глубоко вздохнул, отставил пивную банку и выпрямил спину.

– Я видел своего отца, – тихо сказал он.

– Отца?

– Да... сначала что-то другое, но это так... фантазии. А потом увидел отца. Издалека.

– Вот оно что... И что он там делает?

– Не знаю. Не спрашивал.

Петер совладал с голосом, говорил как всегда, но Дональд ничего не понял.

– Извини за странный вопрос. А он жив, твой отец?

– Нет. К счастью, умер.

У Дональда на языке вертелась целая батарея вопросов, но он внезапно осекся – увидел приближающегося Стефана.

– Приказчик идет. Потом поговорим.

* * *

Стефан вошел в палатку. Петер и Дональд повернулись к нему. Перед каждым пивная банка, одна рука локтем на столе, другая уперта в бедро. Чистый вестерн.

⁸ «Делатель». От глагола *to do* – делать.

Что тебе надо? Здесь сидят настоящие мужчины.

Если бы Стефан так сел, получилось бы смешотворно. Странно – владелец супермаркета, вполне приличное положение в обществе, но каждый раз, когда он, к примеру, оставлял машину в мастерской для ремонта, чувствовал неловкость – Стефан просто *не знал*, как надо вести себя в таких случаях. Небрежная речь, расслабленные движения... – все эти атрибуты истинного мужчины были ему недоступны.

– Привет, – сказал Петер и кивнул на пустой стульчик. – Как дела?

Стефан молча сел. Петер, как ему показалось, пришел в себя – там, на поляне, он напоминал сумасшедшего. Дональд, наверное, неплохой психолог, несмотря на всю свою наглость.

– Дела... – повторил Стефан. – Я тут...

– Пива хочешь? – прервал его Дональд. Стефан поднял ладонь – нет, спасибо. Дональд достал банку для себя и щелкнул замочком. – И что ты *тут*?

– Я тут подумал. – Стефан повертелся на стуле, пытаясь найти подходящую для изобретательного и деятельного альфа-самца позу. – Нам же надо разобраться, что там... за пределами. Я имею в виду – систематически.

Дональд сделал большой глоток пива и звучно отрыгнул.

– *Систематически*, – повторил он, пародируя интонацию Стефана.

– Что вы имеете в виду – систематически? – спросил Петер.

– Я имею в виду вот что: мы обследуем окрестности постепенно. Надо найти вешки или что-то в этом роде. Едем сразу во все четыре стороны и оставляем вешки с равными промежутками. Тогда даже те, у кого нет навигатора, могут принять участие. Я имею в виду – не телефонного навигатора, а джи-пи-эс. Телефоны же не работают – нет покрытия. И тогда, во-первых, не будем плутать по одним и тем же местам, а во-вторых, не заблудимся. Стоят вешки – значит, мы здесь уже были.

Дональд и Петер переглянулись. Дональд выпятил нижнюю губу и многозначительно покачал головой.

– Черт меня подери... как тебя зовут? Стефан? Лихо... не ожидал. Может, все-таки выпьешь пива?

* * *

Четыре машины. Четыре направления. Пять человек: Дональд, Петер, Стефан, Леннарт и Улоф – эти, разумеется, едут вместе. Весь мужской состав, за исключением малолетнего Эмиля.

Майвор разорила свой запас палочек-поддержек для цветов. Все пошло в ход: колышки для палаток, Карина принесла воротца для крокета. Суетились все, кроме Изабеллы, – ее мучила головная боль.

Что-то надо делать. Что-то надо придумать. Все стараются скрыть, что вместо удивления и непонимания постепенно подкрался страх. «Двенадцать дней их страх сводил с ума, теперь его сменила смерть сама»⁹, – вспомнил начитанный Стефан, но вслух произносить не стал. И без того тошно. Главное – не появлялось солнце. Поначалу мало кто сомневался, что петля времени, в которую они угодили, постепенно сомкнется, и солнце вернется на место. На то она и петля – солнце просто-напросто задержалось где-то за горизонтом.

Но нет – шли минуты, часы, а солнца все не было.

Почему-то именно отсутствие солнца беспокоило больше всего. Оказывается, очень трудно примириться с исчезновением того, что кажется само собой разумеющимся, привыч-

⁹ Дж. Г. Байрон. Дон Жуан. Перевод Т. Гнедич.

ным. Настолько привычным, что не замечаешь – есть ли на небе солнце, или оно скрылось за облаком и сейчас появится вновь. И это легко объяснить: в часы самого глухого одиночества всегда можно поднять голову и обратиться либо к солнцу, либо к его ночному заместителю – месяцу.

И солнце, и луну часто изображают с человеческими лицами, приписывают им метафизические способности, иногда поклоняются как богам. Это излишне. Достаточно их молчаливого, безличного присутствия. Свет их не зависит от нашей воли, а значит, мы не так уж одиноки – во Вселенной есть и другие силы, которые зажигают и гасят звезды, заставляют солнце лить на землю живительное тепло, а луну – пускаться в меланхолическое странствие по ночному небу.

Так что, как бы ни были люди в кемпинге озабочены отсутствием продовольствия и связи с окружающим миром, главное – солнце. Появится солнце, и все встанет на свои места. И оно наверняка где-то есть. Где-то за горизонтом. Иначе откуда эта ровная фарфоровая синева пустого неба? Чем оно освещено?

* * *

Бенни посмотрел на пахнущий Коровой кемпер – Кошка по-прежнему торчала в окне. Песик сделал пару шагов и остановился – вспомнил, как его схватили за шкуру и больно швырнули в корзинку. Покосился на палатку – Хозяин сидит на своем стуле, но может и встать. Лучше не рисковать.

Почему-то ему стало страшно. Надо за кем-то погнаться. Гнаться здесь не за кем, но для охоты дичь не обязательна. Важен процесс. Бигль припал к земле, помедлил секунду и пустился в погоню за воображаемой дичью.

Нет ничего лучше бега. Встречный ветерок сдувает все страхи... Да и Нет, Хорошо и Плохо – все исчезает в легком ритмичном топоте мягких лап по ровной, подстриженной траве, в слаженной и приятной работе самой природой предназначенных для бега мускулов. Левая передняя, задняя правая – вместе. Потом наоборот – правая передняя, левая задняя.

Никаких препятствий, никаких кочек – можно гнать изо всех сил. Через пару минут лагерь уже далеко позади. Бенни снизил скорость, пробежал еще чуть-чуть, больше для удовольствия, и присел отдохнуть, вывалив длинный розовый язык.

Понюхал воздух. Знакомые лагерные запахи здесь уже неразличимы... но, может быть, пахнет еще чем-то?

Да. Пахнет.

Он сделал несколько кругов, попытался понять, откуда идет запах, – и не понял. Запах шел отовсюду – слабый, но для его обоняния вполне достаточный. Так пахнет, когда Люди разводят Огонь.

Но пахло еще кое-чем, еще интереснее. Он почти прижал нос к земле и пробежал несколько метров. Знакомый запах, но Бенни никак не мог сообразить, откуда он здесь взялся.

Запах Внуков.

Иногда к Хозяину и Хозяйке приходят Люди, и некоторые приводят с собой Внуков. Есть Большие Внуки, и есть Маленькие Внуки. Еще меньше, чем Бенни. Здесь пахнет Маленькими Внуками. Они лежат в кроватках, дрыгают ножками и пищат.

И что они здесь делают? Он порыскал в разные стороны – Взрослыми не пахнет. Но как Маленькие Внуки сюда забралась, если они даже не умеют ходить? Загадка.

Ему опять стало страшновато. Он повернулся и побежал в лагерь, поближе к своей корзинке.

* * *

Петер пошел к выходу, но его остановило восклицание Изабеллы:

– Сучье дерьмо!

Он обернулся. Изабелла сунула руку в холодильник, в сердцах захлопнула дверцу и покрутила регулятор плиты.

– Ни хера не работает. Ни холодильник, ни плита.

Петер проверил контакты – все в порядке.

– Что ты крутишь? Крутильщик... Я же тебе сказала – ни хера не работает. Весь этот твой сарай на колесах – одна сплошная куча дерьма, и я...

– Потом посмотрю, – прервал ее Петер. – Мне надо ехать.

– Вот как? Ехать? А если ты не вернешься? Значит, твоя дочь и я должны сидеть без электричества, без холодильника и без плиты, пока не сгнем в этой вонючей коробке?

Молли за столиком увлеченно рисует. Ее, похоже, мало волнует мрачная перспектива сгнуть в железной коробке. Не торопясь, подбирает нужный фломастер.

– Ну, я поехал, старушка. Как ты на это смотришь? Можно?

– Конечно, можно, папа. Посмотри, – она протянула ему рисунок.

Четыре кемпера рядом, без всякой перспективы. И перед ними выстроились в линию все обитатели лагеря: восемь взрослых и маленькая девочка. Все широко улыбаются. Звери, отдаленно напоминающие собаку и кошку, стоят чуть в стороне и тоже улыбаются.

– А где твой приятель? Этот славный мальчуган?

– Он здесь не нужен.

Молли начала рисовать большое солнце на голубом небе, и Петер не стал вникать, почему не нужен мальчик.

Его пугали ее рисунки.

Несколько недель назад Молли случайно посмотрела в новостной программе сюжет из Ирака. Шахид взорвал в толпе автомобильную бомбу. Петер не успел выключить телевизор – там сменялись картинки растерзанных тел на носилках, крови, рыдающих родственников. На следующий день Молли нарисовала веселого парня за рулем полыхающего автомобиля, а оторванные головы улыбались еще веселее. И на небе сияло такое же веселое солнце.

– Пока, папа, – девочка сосредоточенно раскрашивала солнце желтым фломастером.

Петер повернулся и пошел к двери, но Изабелла загрозила ему дорогу.

– С чего это ты так рвешься уехать?

– Договорились, что поедут все.

– Ты так и не рассказал, что там произошло.

– В каком смысле «произошло»? Ничего не произошло.

– Я же вижу, что ты врешь. И не понимаю зачем.

Петер покраснел. Он не мог и, главное, не хотел объясняться с Изабеллой. Охотнее всего он выскочил бы из кемпера, но Изабелла встала на дороге, раскинув руки. Он даже думать не хотел, как она среагирует, если он применит силу.

Спасла его Молли. Подняла глаза от рисунка и погрозила ему пальцем.

– Врать нехорошо, папа. Фу.

Мертвая точка пройдена.

– Увидимся, – сказал Петер и проскользнул мимо Изабеллы, стараясь не встретиться с ней глазами.

* * *

«Гранд-Чероки», 2012 года выпуска. Дональд даже думать не хотел о других возможностях: только американский джип. Крепкая штукавина, без всяких новомодных финтифлюшек. Хотя у этой модели тоже хватает всяких примочек. Он так и не научился читать все показания на дисплее. Блютуз, круиз-контроль, телефон с громкоговорителем и еще бог ведает что. Но сидеть удобно, руль прикладистый, педали расположены удобно. Чувствуется, что под тобой настоящая машина. Шестицилиндровый мотор на двести сорок лошадей, высокая подвеска – протащит где угодно. Дональду становится тепло при мысли, что с этой машиной можно проехать по любому бездорожью. Пока ни разу не доводилось, но важно само осознание: этот зверь пройдет там, где никто не пройдет.

Винтовка на заднем сиденье... единственное, чего не хватает, – шляпы. Дональд газанул и скрипнул зубами – почему он должен во всем слушаться жену? Он нежно любил свой ковбойский «стетсон» с грозно загнутыми полями.

– Не смейся людей, – сказала Майвор, и он покорно повесил шляпу на крючок.

А недурно сидела бы шляпка... Дональд окинул взглядом бескрайнюю пустоту. Он отправляется в опасное путешествие – исследовать белые пятна на карте. *How the west was won*... он прибавил газу и резко отпустил сцепление. Машина рванула с места, но желанного визга секундной пробуксовки не последовало. Кругом трава.

* * *

«Вольво-740», год выпуска 1990-й. Чем хороша «вольво» – нет проблем с запчастями. Машина Улофа прошла четыреста двадцать тысяч. Кое-что, конечно, пришлось поменять по мелочи – подшипник кардана, мембрана в карбюраторе, тормозные шланги. Резина, колодки. А так – никаких проблем. Мотор работает как часы, даже крышку блока ни разу не снимал. Двери, конечно, слегка перекошились, сиденья в шишках, рычаг скоростей туговат, а багажник закрывается только на специально приваренный крючок, как в деревенском сортире.

Леннарт сел на пассажирское сиденье, на коленях – журнал с кроссвордом. Не изменил привычке. Обычно в долгих поездках они чередовались: один вел машину, другой решал кроссворды, но на этот раз вряд ли получится...

Улоф с некоторым напряжением включил первую передачу и аккуратно отпустил сцепление. Не успели тронуться с места, Леннарт начал напевать «Девушки на заднем сиденье». Эту песню здорово пела Сив Мальмстрём.

* * *

«Тойота RAV-4», 2010-й. Петер большой любви к городским джипам не испытывал, но Изабелла настояла. Только джип – ради Молли. Безопасность и все такое. Молли... Петер усмехнулся. Он прекрасно понимал, что Молли здесь ни при чем.

Нельзя сказать, чтобы Изабелла страдала приобретательством, но, если уж она решалась на покупку, вещь должна быть *правильной*. И она почему-то решила, что джип – правильная машина. Но Петер категорически отказывался покупать какой-нибудь джаггернаут вроде «хам-мера». После долгих поисков в Интернете пришли к компромиссу, и компромисс этот ни ее, ни его не удовлетворил. Петер считал, что джип слишком велик, Изабелле он казался слишком маленьким.

Он прибрался на заднем сиденье. Обертки от конфет, высохший ломтик шоколада, фильмы для Молли: «Русалочка», «Принцессы», «Золушка»... Петеру попался диск с вовсе не детским рисунком на обложке. Он перевернул футляр.

Сексуальные преступления, пытки, компактный мрак... вариант «Хостел», только еще круче.

Фильмы Изабеллы. Какой идиотизм – положить их в коробку с мультиками для Молли.

Бросил «ужастики» в бардачок, включил зажигание и нажал кнопку навигатора. Вешки закинул на освободившееся заднее сиденье. Еще раз убедился, что находится на том же месте, что и накануне вечером.

Можно ехать.

* * *

«Вольво V-70», год выпуска 2008-й. Стефан очень следит за машиной. И даже не потому, что он так уж увлекается авто. И не потому, что тяжелый «универсал» как-то особо сочетается с его личными качествами, – нет. Просто он убежден, что с дорогими вещами надо обращаться аккуратно. Мойка раз в месяц, регулярный сервис. За несколько лет пришлось поменять только тормозные колодки.

На заднем сиденье – тридцать вешек с привязанными белыми лоскутками. Пришлось пожертвовать простыней. Ему никогда не приходила мысль обзавестись навигатором. Зачем он, когда едешь по знакомым местам. На крайний случай в кармане сиденья лежит атлас.

Посмотрел на бескрайнее зеленое поле – и опять закружилась голова. Зажмурился, приготовился завести мотор, посмотрел в зеркало – и увидел бегущего к машине Эмиля. Старая «вольво» фермеров уже уехала, Петер все еще возился в кабине.

– Папа, можно мне с тобой?

– Не знаю, сынок...

Не говорить же мальчику, что поездка может быть опасной. Никто не знает, что их там ждет, а мальчик очень впечатлительный, может нафантазировать что угодно.

Пока он размышлял, Эмиль уже забрался на пассажирское сиденье. Что делать?

Вопрос решил сам собой – подошла Карина.

– Возьми его, Стефан. Он очень нервничает, говорит, что *должен* поехать с тобой.

Эмиль тем временем достал с заднего сиденья детское креслице, ловко пристроил и пристегнул ремень. Дал понять – пути назад нет.

Карина поцеловала Стефана.

– Будь осторожен.

Стефан улыбнулся и мотнул головой в сторону горизонта – поводов для особой осторожности нет. Плоский, как доска, совершенно пустой газон – что может случиться?

– Я люблю тебя, – шепнул он одними губами и повернул ключ.

* * *

Карина долго стояла и смотрела им вслед. По мере того как машина удалялась, появилось сосущее чувство тревоги, даже не тревоги, а ужаса.

А вдруг я никогда больше вас не увижу?

Может быть, страх этот как-то связан со смертью матери: она умерла неожиданно, Карине не было пятнадцати. Скорее всего, так и есть – внезапная смерть матери. Каждый раз при расставании со Стефаном назойливый внутренний голос шепчет: *Последний раз. Я никогда больше тебя не увижу.*

Еще подростком она научилась заглушать чувство потери спиртным и наркотиками. Вела, как говорили в старину, рассеянный образ жизни, который едва не свел ее в могилу. Когда, решив сделать последнюю попытку, она через много лет нашла Стефана, потребность в искусственном забвении понемногу исчезла, но грызущее чувство страха осталось. Потери за углом. Они только и ждут, чтобы впиться тебе в горло.

Машины постепенно превратились в ползущих по горизонту насекомых, а потом и совсем исчезли. Она вспомнила последние слова Стефана: *Я люблю тебя*. Сколько раз она слышала эту мантру. Обычная, стандартная формула... но на этот раз сказана в необычной обстановке. И шепотом.

Я. Люблю. Тебя.

И что? Кто угодно может произнести эти слова. И кому угодно – что там произносить. Набор букв. Ребенок говорит их плюшевому медвежонку, гангстер – своему питбулю. Актер, например, произносит эти слова чуть не каждый день – а на самом деле никого он не любит. У него одна забота – чтобы вышло правдоподобно, так, чтобы зрители подумали: он и впрямь кого-то любит.

Стефан говорит, что меня любит – а что он имеет в виду? Вкладывает ли он такой же смысл, что и она, когда обращается к нему с теми же словами? Что он хочет прожить со мной всю жизнь? Что я удивительный, прекрасный человек, что любовь его с годами будет все нежнее и нежнее?

Может быть. А уверена ли я, когда говорю ему эти три слова, что подразумеваю именно это?..

Карина уставилась в точку, где несколько секунд назад еще был виден их «вольво», несколько раз прошептала: «Я люблю тебя. Я люблю вас», – и прислушалась. Голос не отозвался даже малейшим эхом, звуку было не от чего отразиться. А в душе? Чем отозвались эти слова в ее душе?

В ней что-то изменилось. На секунду показалось, что она больше не существует, что она сама, как и ее голос, растворилась в окружающей пустоте.

* * *

Экран навигатора опять внезапно поглубел. На этот раз Петер не стал останавливаться. Опустил стекло и ехал, наслаждаясь внезапно возникшим ароматом легкого спортивного пота пополам с дорогими духами.

Если остановить машину и выйти, его тут же обступят женщины. Они ждут, они готовы по первому же его знаку начать танцевать в волнующем, почти оргастическом ритме.

Но он преодолел искушение и, загипнотизированный монотонным урчанием мотора, задремал. А может, виной тому сознание, что в этой зеленой пустыне все равно ему ничто не грозит – ни ям, ни ухабов, ни опасности столкновения.

Эротические видения во сне еще ярче: все его женщины, не прекращая танца, по очереди отдаются ему со счастливой улыбкой.

Как русалки, вьются они вокруг него в неисчерпаемой синеве однообразного бессолнечного неба...

Синева... синева...

Он вздрогнул и открыл глаза. Экран навигатора по-прежнему был залит голубым свечением. Петер не знал, сколько он спал: три минуты или час. Потряс головой, посмотрел в зеркало заднего вида – ничего. Пустота.

Надо же быть таким идиотом... Карта навигатора, конечно, показывает несуществующие реки и перелески. Но по ней, по крайней мере, можно найти дорогу в лагерь. А притворяющаяся трехмерной стрелка маркера не говорит ему ровным счетом ничего. Он даже не знает, ехал

ли он по прямой или крутил руль во сне. Машина вполне могла отклониться от курса и, если он поедет строго назад, может оказаться черт знает где. Еще дальше от лагеря, чем сейчас.

Волнующие ароматы исчезли. К тому же ему показалось, что стало прохладнее.

У Петера сдавило горло. Он заблудился. Было бы солнце, он мог бы хотя бы приблизительно ориентироваться, куда едет: вперед по отношению к исходному пункту, назад или в сторону. А теперь путь назад потерян. И может быть, навсегда. Он уставился на дисплей навигатора – его погасшей путеводной звезды.

Минуточку...

Он пригнулся почти вплотную к экрану. Там еле-еле что-то просвечивало... настолько слабо, что вполне могло быть игрой фантазии или застрявшим на сетчатке фантомом предыдущего изображения – но нет. Перед ним была карта.

Не та, растворившаяся в синеве.

Перед ним была *новая карта*.

* * *

– Малость однообразно, или как?

– Ну.

– Тебя сменить?

– Не стоит... занимайся вешками, Леннарт.

Они успели воткнуть семь вешек. Улоф затормозил, Леннарт уже приготовился вылезти и поставить восьмую, и тут в моторе послышался странный не то жужжащий, не то скребущий звук.

– Не хватало только застрять, – мрачно сказал Улоф. – Двигатель барахлит.

– Дай ей отдохнуть, – посоветовал Леннарт.

Улоф улыбнулся: Леннарт всю машинерию почему-то причислял к женскому роду. Трактор – она, вилочный автопогрузчик – тоже дама. Четырехцилиндровый карбюраторный двигатель – само собой. Улоф даже слышал, как он критиковал доильный робот: *Ты, голубушка, неправильно запрограммирована*.

Улоф выключил зажигание и с третьей попытки открыл перекошенную водительскую дверь. В моторе что-то по-прежнему поскрипывало. В абсолютной, ничем не нарушаемой тишине звук этот казался особенно тревожным.

– Вентилятор... – Он положил руку на капот – горячий.

– Антифриза мало? – предположил Леннарт. – Может, радиатор прохудился?

Улоф встал на колени и заглянул под машину.

– Не-а. На днях залил. И радиатор целый. Я же говорю – вентилятор. Пусть отдохнет маленько, – и медленно, чтобы не закружилась голова, встал.

Леннарт задумчиво смотрел вдаль, скрестив руки на груди.

– Увидал что-то?

– Что тут увидишь... подумал просто: засеять бы всю эту землю...

– Или коров пасти.

Леннарт присел на корточки и погладил траву. Потом вырвал несколько травинок, растер между пальцами и понюхал.

– Не знаю... насчет коров-то. Бедновата... – Он протянул траву Улофу. – Что скажешь?

Улоф опять опустился на четвереньки, пригнулся, понюхал траву и подумал, что выглядит смешно. Вырвал, как и Леннарт, несколько стебельков, встал, тоже растер, поднес к носу и согласился.

– Да... так себе.

Трава превратилась в сухой порошок. От нее исходил еле заметный сухой запах пыли, и она не оставляла следов на пальцах, словно ей не хватало ни воды, ни питательных веществ. *Как она вообще растет без солнца?* – подумал Леннарт, но вслух не сказал. А сказал вот что:

– А дожди-то здесь идут?

– Должны... куда им деться. Как-то она ведь растет.

– Если растет.

– Да... если растет. – Леннарт опять посмотрел на странную траву – точно вчера пострижена, все травинки одинаковой высоты, – но ведь живая, по крайней мере.

Улоф еще раз понюхал оставшийся в руке порошок.

– Не уверен...

* * *

Дональд поручил Майвор следить за радио. Слушать все подряд и записывать лоты – надо понять, идут ли они по кругу или все время новые.

Пока ни одна песня не повторилась, все время шли новые. Если их можно так назвать – новыми они были лет тридцать – сорок назад. Старые замечательные песни. Майвор всю жизнь была преданной поклонницей шведской эстрады, так что вряд ли кто-то справился бы с заданием лучше. Ей не нужно никакого диктора – она и так знает все эти лоты.

Вот, к примеру. Достаточно басовой секвенции во вступлении, и она пишет, даже не дожидаясь голоса певца.

Клес-Йоран Хедерстрём. «Теперь, черт ее подери, это похоже на любовь».

Клес-Йоран не ее фаворит, вовсе нет, но все равно она знает все его песни.

Покачала ногой в такт музыке, налила чашку кофе из термоса и отсалютовала пустому стулу напротив. Впрочем, не совсем пустому – там сидит Джеймс Стюарт ¹⁰.

– Привет, Джимми! И чем все это кончится, как ты думаешь?

Джеймс Стюарт не ответил. Смотрит на нее дружелюбно и улыбается своей меланхолической детской улыбкой.

Собственно, она и не ждала ответа. Только в исключительных случаях Майвор придумывала, что бы он мог ей ответить. Обычно ей хватало его молчаливого присутствия.

Может быть, в один из сумасшедших дней вроде этого она выбрала Джимми и закрепила в образе одного из его фильмов: Элвуд Дауд из фильма «Харви», человек, трогательно заботящийся о двухметровом кролике. Патентованная добрая и наивная улыбка Джимми Стюарта, улыбка не то блаженного, не то святого... Майвор знала этот фильм наизусть.

Вместе они послушали Клеса-Йорана. Джимми улыбнулся фразе:

«И мы пошли смотреть сопливую мелодраму, хотя я бы охотнее посмотрел панг-панг».

Вспомнил, наверное, свои многочисленные ковбойские роли. Никто не обращался с револьвером с такой непринужденной и даже рассеянной элегантностью, как Джимми Стюарт. Оружие для него – необходимое зло, он охотнее всего выбросил бы его в озеро, но творить добро без оружия не получается – руки коротки. Совсем другая история, чем Дональд и его винтовки.

Джеймс Стюарт отвернулся и стал внимательно изучать вышитые ею коврики на стенах палатки. Ее мысли обратились к Дональду. Пусть у него все будет хорошо. Она желает ему добра. И всегда желала. Как можно не желать добра человеку, пережившему *такое*? Цель ее жизни – обеспечить Дональду нормальное существование.

А вот на вопрос: «Любила ли ты его когда-нибудь?» – Майвор вряд ли смогла бы ответить. Скорее всего, нет. Но и сравнивать было не с чем – разве что с персонажами книг и фильмов.

¹⁰ Джеймс Стюарт (1908–1997) – американский киноактёр, лауреат премии «Оскар» (1941).

Но из тех же фильмов и книг, а иногда и от подруг она знала, что бывает на свете страстная, безумная любовь, которую ей уже не суждено пережить.

И ничего с этим не сделаешь. Иногда, правда, нападает тоска – вся жизнь прошла в хлопотах и заботах о ком-то, а для себя не успела выкроить даже лоскутка счастья. И тогда на помощь приходит Джеймс Стюарт. Ее тайный друг, ее двухметровый кролик Харви.

* * *

Дональд гнал машину довольно быстро и через пятнадцать минут был уже примерно в двадцати километрах от лагеря. Осторожничать никакой необходимости – везде одно и то же: плоская зеленая равнина. И впереди, и позади, и по сторонам.

Он на это не рассчитывал. А *что* он рассчитывал увидеть, и сам не мог бы определить. Что-то вроде горы, на которую можно забраться и осмотреть окрестности. Но не эту непрерывную, словно проведенную по еле-еле скругленной линейке, линию горизонта, которая ничего не предлагала, кроме себя самой.

Смотреть не на что.

Когда дисплей навигатора посинел, Дональд не стал сбавлять скорость, ему даже в голову не пришло останавливаться и втыкать какие-то палочки, как баба в огороде.

Ну да, дураку ясно, что он не может ехать так без конца, отклонение от прямой может увеличиться до непоправимого, но несколько-то километров можно проехать.

Странные картины возникают в голове... Вовсе не по зеленой, невесть откуда взявшейся равнине гонит он свой «чероки», а по Лас-Вегасу. И Джон Фицджеральд Кеннеди, и Элвис – оба выступают сегодня перед публикой и только и ждут, когда же прибудет он, Дональд.

Мрачно усмехнулся – черт его знает, может, в деменции есть свои преимущества. Фантазии становятся яркими и реальными... Не надо делать никаких усилий, чтобы оказаться в ином, желанном и недоступном, мире. С другой стороны, людей, обладающих такими способностями, называют не особенно лестно: чокнутые, сдвинутые, психи... – и при этом крутят пальцем у виска. Дональд заставил себя отказаться от соблазна остаться в Лас-Вегасе и нажал на педаль газа.

И тут же похвалил себя за проявленную силу воли. На пустом дисплее навигатора опять начала проявляться карта – очень постепенно, как фотоотпечаток в медленном метоловом проявителе в годы его молодости, потом все четче и четче. Дональд довольно кивнул и выбрал дорогу, по которой он будет возвращаться.

Карта на экране стала совсем четкой, как будто навигатор и не отключался. Пожалел, что не взял очки. Пришлось чуть не упереться носом в экран – он плохо видел вблизи. Вспомнил старый анекдот.

Ты плохо видишь? – спрашивают человека, который держит книгу в вытянутой руке. – Вижу я лучше некуда, только руки коротковаты.

У него все наоборот – ювенильная близорукость.

Вот так-то. И... что за чертовщина? Без очков не обойтись. Достал из бардачка очки для чтения и взгляделся. Пока прочитал надписи и пока до него дошел смысл прочитанного, успел проехать еще две-три сотни метров. Резко затормозил и поставил машину на нейтраль. Куда он денется, его джип? Эта равнина сделана строго по уровню.

Окерё, Йилберга, Лилторп.

Выезжая из лагеря, он специально посмотрел на дисплей: навигатор утверждал, что они находятся на том самом месте, что и накануне вечером. Лагерь разбит на десять километров южнее Трусы. Дальше маркер оставался на месте, а карта поехала на восток. Значит, «чероки» движется на запад. А теперь навигатор утверждает, что он находится в местах, где прошло

его детство. *Сто пятьдесят километров на север.* Никакой физической возможности, что он преодолел эти сто пятьдесят километров за двадцать минут, не было.

Дональд включил первую скорость и медленно двинулся вперед. Спутник в космосе исправно сообщил, что в настоящий момент он пересекает шоссе на Норртелье и движется через рошу по направлению к Окерё и... Риддерхольму.

По спине побежали мурашки. Он сдвинул очки на лоб и поехал в сторону выдуманного джи-пи-эс Риддерхольма. Пейзаж не изменился ни на йоту, но странно: показалось, что воздух здесь разреженный, как на вершинах. Не хватает кислорода. Стало трудно дышать, сдавило голову.

Дональд опять остановил машину, несколько раз глубоко вдохнул. Голову немного отпустило, и он взгляделся в экран.

Что-то не так с шоссе на Норртелье. Трасса E-18 выглядит странно.

В начале семидесятых проложили новый маршрут, дорога стала на пять километров короче и прямее. А здесь, на навигаторе, она вьется от деревни к деревне и вообще не похожа на магистральное шоссе.

Он прокрутил маршрут вверх, потом вниз, потом снова вверх. Сомнений нет: навигатор показывал *старую*, давно заросшую и забытую дорогу на Норртелье.

Но что за хреновень с воздухом?

Дональд снял очки и попытался раздышаться. Потом вышел из машины.

Стало намного холоднее. После климатической колыбели джипа по рукам побежали мурашки – ровный, несильный, знобкий осенний ветерок.

С воздухом и в самом деле что-то странное. Он вытаращил глаза, зажмурился, потом еще раз и еще. Наваждение не проходило.

Такое бывает, когда долго сидишь на корточках, а потом резко встаешь – кажется, что воздух полон мелкими черными мошками. Да, примерно так... только мошек этих намного больше. Воздух *мерцает*, словно ему самому вздумалось притворяться источником света.

Дональд, потирая зябнувшие плечи, посмотрел на горизонт, и его передернуло, как от удара током, – и на этот раз не от ледяного ветра. Ему показалось, что он видит что-то... какую-то фигуру.

Показалось или не показалось? Он напряг зрение как мог, но так и не определил. Постарался унять дрожь, достал с заднего сиденья винтовку, упер приклад в плечо и медленно повел оптический прицел по горизонту.

Указательный палец привычно лежал на спусковом крючке, и он еле удержался, чтобы не нажать курок, когда понял, что видит *человека*.

Нет, конечно, нет... еще чего. Он же не убийца. Им руководило не спонтанное желание выстрелить в незнакомца, потому что это был не просто незнакомец. Залитое кровью лицо, обрубки рук, из которых хлещет кровь... у Дональда сердце провалилось в низ живота. Винтовка упала на траву, непроизвольно задрожала нижняя губа. Испугался, что потеряет сознание, и ухватился за машину.

Машина...

У него есть машина.

Зубы выбивали дробь.

Он всхлипнул, рывком поднял винтовку, бросил на заднее сиденье и вскочил на водительское место. Сильно ударился голенью.

Дональд повернул ключ в замке, и на какую-то долю секунды его окатила никогда ранее не испытанная волна ужаса: показалось, что мотор не заводится. И он должен остаться с этим...

...кровавым призраком...

...но мотор взревел как тигр – он выжал педаль газа до конца. Заставил себя отпустить немного газ, включил первую скорость. Опять прижал педаль, развернулся и поехал в обратном

направлении. Так и ехал на первой, с ревущим двигателем. Не решался переключить скорость – а вдруг что-нибудь с коробкой?

Надо скорее убираться отсюда. Подальше от *кровавого*.

* * *

Бенни выжидал довольно долго. Дверь в кошачий кемпер открыта, и там никого из людей нет. Хозяева Кошки уехали. И Хозяин Бенни тоже уехал. Заманчиво... Кошки в окне нет. Интересно, куда она делась?

Надо ждать. Хозяйке не до него – сидит, закрыв глаза, в палатке и подпевает музыке из коробочки. На его вкус, фальшиво. Он даже отвернулся и посмотрел в поле – решил пощадить уши.

Он вспомнил запах Внуков и странное чувство – в поле плохо и опасно. Здесь, между кемперами, все хорошо. Его место. И ничье больше. Именно это он и собирался внушить Кошке, если у него появится такая возможность. Раз и навсегда.

И надо же – на крыльце кемпера, словно подслушав его мысли, появилась Кошка.

Появилась... Странные существа. Она не появилась, а *протекла* сквозь щель в слегка приоткрытой двери и начала умыться. На Бенни даже не поглядела. Собака никогда бы так не поступила. Собака первым делом изучает обстановку. Бенни тьякнул. Кошка подняла голову, равнодушно глянула зелеными, с неприятными вертикальными зрачками глазами, отвернулась и продолжила туалет. Как будто Бенни никакого интереса для нее не представляет.

Бенни с негромким ворчаньем начал приближаться. Ворчанье придало Бенни мужества: сейчас он ей покажет, этой нахальной Кошке.

Кошка насторожилась, повернулась к нему и начала расти. Бенни остановился. Кошка за несколько секунд сделалась почти такой же большой, как он сам. Бенни и раньше наблюдал такое явление, но от этого оно не стало менее тревожным. Подумать только – на что способны кошки!

Но пути назад нет. Бенни сделал еще несколько шагов, ворчанье перешло в грозный рык, перемежаемый хриплым лаем. Он по-настоящему разозлился.

И тут Кошка сделала то, что Бенни никак от нее не ожидал. Она двинулась навстречу! Показала зубы и издала звук, похожий на шипение закипающего чайника.

Бенни остановился: это еще что такое? Котам полагается удирать со всех ног!

Не успел он сообразить, что к чему, как Кошка бросилась к нему и ударила по носу лапой с выпущенными острыми когтями. Бенни взвыл. Способность рассуждать и планировать предстоящую погоню как ветром сдуло – ноги сами понесли его в палатку и прямой дорогой в корзинку.

Он немного пришел в себя и выглянул. Кошка прохаживалась по поляне как ни в чем не бывало. Даже не покосилась на Бенни.

Нос болел. Бенни сунул его в одеяльце и закрыл глаза.

* * *

У Стефана и Карины много фотоальбомов. В этот цифровой век они, не боясь упреков в старомодности, упрямо заказывают отпечатки фотографий и потом сидят рядом за кухонным столом, обрезают макетным ножом и клеивают в альбомы – находят удовольствие в самой возне. Возродить и оживить память, вновь пережить запечатленное на фотографии мгновение, а потом поместить в нужный альбом. Они создают архив своей жизни, реальные документы, их можно взвесить в руке и убедиться: да, это было. Я помню. С фотографиями в компьютере,

даже отменного качества, совсем другое дело: они не имеют веса. Файл не весит ровным счетом ничего.

А среди этих альбомов есть, так сказать, альбомы альбомов, квинтэссенция их жизни. Лучшие из лучших фотографии собраны в суперальбомы, с которыми они никогда не расстаются, берут с собой во все путешествия. Резервная копия жизни.

И сейчас Карина сидит и перелистывает такой альбом.

Вот они со Стефаном в Норвегии, у водопада. За год до рождения Эмиля. Эмиль в роддоме, Эмилю полгода, первые шаги Эмиля. Стефан в неуклюжем и замысловатом костюме Санта-Клауса: не меньше получаса разбирались, как его надеть, и хохотали до упаду. Карина с огромным боровиком – нашла прямо за сараем. Вот они, все трое, на маленьком прелестном пляжике на Готланде. Вот Стефан обучает Эмиля пользоваться специальным биноклем для наблюдения за птицами. Стефан и Карина на фоне новой вывески магазина.

Она на секунду закрывает глаза и легко представляет запахи, погоду... а главное, чувства, которые в тот момент испытывала, – всё, чего не увидишь на фотографии. Подробный и мастерский эскиз последних шести лет ее жизни.

Залаяла, потом заскулила собака. Она подняла глаза, прислушалась, а когда вновь опустила глаза, ей пришла в голову пугающая мысль.

А ведь меня могло бы и не быть.

Если бы она умерла в подростковом возрасте, к чему, если быть честной, была очень близка. Или если бы вообще не родилась... и кто бы тогда стоял со Стефаном у водопада, кто бы рожал Эмиля? Кто бы нашел этот циклопический боровик размером с суповую тарелку?

Попыталась представить рядом со Стефаном другую женщину, другую мать Эмиля, другого совладельца магазина. Или другую... совладелицу. Попыталась – и не сумела. Правда, ей удалось мысленно стереть себя с фотографий и поместить на свое место некую фигуру – но ни лица, ни характера у этой фигуры не было. Женщина-невидимка. Абстрактный образ по имени *Не-Карина*.

Она еще полистала альбом. А почему, собственно, она так испугалась этой мысли? Девочкой она играла в игру под названием *«меня нет»*.

Последние годы были настолько напряженными и хлопотливыми, что для таких игр просто-напросто не оставалось времени. К тому же почему надо пугаться? Такая возможность – *«меня нет»* – вовсе не страшна, скорее утешительна. Тот, кого нет, ни в чем не виноват.

Карина хмыкнула и закрыла альбом. Хватит. Пора выпить кофе.

Достала банку с растворимым кофе, налила воды в кастрюлю, поставила на газовую плиту и зажгла конфорку. Вернее, хотела зажечь. Сухие щелчки запала, крошечные голубые искорки – и все. Никакого огня. Попробовала другую конфорку – то же самое.

Открыла дверь работающего на бутане холодильника – температура успела подняться почти до комнатной. Захлопнула поскорее дверцу, чтобы не тратить остатки холода.

В чем дело? Стефан проверял баллон с газом перед самым отъездом – он был полон на треть. На неделю – больше чем достаточно. Значит, газ не должен был кончиться. Что-то еще. Забился шланг? Или, не дай бог, утечка, и газ и в самом деле кончился?

Карина обошла кемпер и сразу увидела, что крышка контейнера с баллоном сдвинута. Если Стефан и был в чем-то сверхтщательным и сверхосторожным, так это в обращении с газом. Он никогда не позволил бы себе оставить контейнер незакрытым.

Карина сняла крышку – и ее прошиб холодный пот. Шланг оборван. Кусочек, с дециметр, не больше, остался на мундштуке.

Непостижимо. Совсем недавно, в прошлом году, они поставили совершенно новый шланг – именно для того, чтобы обезопасить себя от подобной неприятности. Резина, как известно, стареет, становится порозной и теряет прочность.

Карина пощупала культю шланга – не крошится ли под пальцами. Ничего подобного. Резина эластичная, мягкая, какой ей и положено быть. А когда подтянула оборванный шланг, обнаружила, что он коротковат и свести концы не удастся. Не хватает большого куска. Оборван... она посмотрела на идеально ровную поверхность. Не оборван, а *обрезан*.

* * *

Петер взял несколько вещей и вышел из машины. Он более или менее расшифровал смутную карту на экране навигатора и сразу понял жизненную необходимость этих вещей. По крайней мере будешь знать направление, откуда приехал.

Он огляделся – наверное, в десятый раз. То же зеленое футбольное поле, во всех направлениях, куда ни смотри. Никаких указаний, что он находится там, где упрямо утверждает его джи-пи-эс: Веллингбю. Западный пригород Стокгольма. Ничто... кроме разве что странного чувства, что он и в самом деле в Веллингбю.

Можем ли мы вернуться в наши воспоминания? Кто знает... почему бы нет – если какое-то жуткое событие врезалось в память на всю жизнь, как раскаленное тавро. Или, наоборот, момент ничем не замутненного пронзительного счастья – такие эпизоды остаются в душе, окуливаются, годами и десятилетиями лежат в своем коконе – но они живы. И это значит, что существует возможность к ним вернуться.

Вполне может быть. А может, и нет. Мы, сами того не осознавая, храним не только важные воспоминания. Мы храним каждый миг нашей жизни в виде таких крошечных куколок. Никто не знает, какие гормоны или ферменты они выделяют, никто не знает, каким образом эти куколки воспоминаний рожают озарения и догадки, дурные и хорошие предчувствия, непонятные не только для окружающих, но и для нас самих. Мы испытываем сильные и драматические чувства: Любовь, Ненависть, Восторг, Отчаяние... и даже не понимаем, что чувства эти рождаются и пылают не сами по себе. Топливо и запальные свечи давным-давно заложены в нашей душе.

Как бы ни стучал Петер по капоту своего солидного, взрослого джипа, купленного на деньги, заработанные игрой в солидный, взрослый футбол, как бы ни щелкал пальцем по экрану навигатора – глобальная система не врала. Это и вправду Веллингбю. Петеру семь лет, и именно в тот день он поверил в Бога.

Еще в пять лет мать научила его вечерней молитве, а на ночь вместо сказок рассказывала Библию. Рассказывала мама замечательно. И даже несмотря на то что содержание этих рассказов казалось ему странным, события маловероятными и даже вообще немислимыми, Петер охотно бы поверил в Бога, если бы отец так яростно не ненавидел все связанное с религией.

Но вовсе не ненависть отца к церкви мешала ему поверить. Отец был зол и жесток, особенно когда пьян. Часто поднимал руку на мать. Петеру вовсе не хотелось стать таким же, он с радостью разделит бы веру матери – но никак не мог заставить себя поверить во все чудеса, о которых она рассказывала.

Бог и Иисус, вся эта мистика с крестом, рыба и хлеб... и невозможно, совершенно невозможно поверить, что кто-то гуляет по воде как посуху.

С годами отец становился все хуже и хуже. Потерял работу, потерял друзей – они, как он говорил, его предали, – бутылок в шкафу становилось все больше. Петер не раз спрашивал мать, почему они так живут, и мать неизменно отвечала: «На все Божья воля, потерпи, станет лучше».

Так и продолжалось до того вечера. Петеру было семь лет. Он уже отбарабанил без особой охоты вечернюю молитву, лег и услышал, как открылась дверь. По особому дыханию, по откашливанию и отплевыванию, по спотыкающимся шагам, по неразборчивым ругательствам

Петер понял, что отец очень зол и очень пьян, пьянее обычного. Он зажал руками уши – знал, что сейчас начнется.

Удар, звук падения, полузадушенный крик. Закрыв глаза. И тут же в воображении нарисовалось несметное количество оружия, целый арсенал – пулеметы, винтовки, пистолеты, гранаты, топоры. Он обвешивается этим оружием, как Шварценеггер, и бежит спасать мать...

Обычно все кончалось довольно быстро. И если мама начинала плакать, он затыкал уши, чтобы не слышать.

Но не в тот вечер. Все продолжалось. И мама *кричала*. Обычно она не кричала. Из головы Петера вылетела атомная бомба, упала на отца и покончила с ним навсегда.

Мама продолжала кричать.

В таких случаях Петера начинало тошнить, и почему-то было стыдно. На этот раз ему было не стыдно, а...

...страшно... а если он убьет маму?

Его била крупная дрожь. Он набросил толстый махровый халатик с Микки-Маусом – все-таки какая-то защита – и открыл дверь.

Отец кричал что-то насчет бредней, которыми она дурит голову своему сучонку. Потом заорал: *«Даже Иисус побрезговал бы твоей вонючей дыркой»*... но самое страшное в паузах – мамино дыхание, частое, kloкочущее, будто полощет горло. Отец зарычал и, покачиваясь, двинулся в кухню и загремел там чем-то. Петер влетел в гостиную в ту же секунду, что и вернулся отец, – с молотком в руке. Мать полулежала на полу, лицо в крови, глаз заплыл. Одной рукой прикрывала живот, а в другой судорожно сжимала небольшое деревянное распятие.

Отец подошел и замахнулся молотком.

– А в-вот этого, сука, не хочешь попробовать?

Петер открыл рот, чтобы закричать, а мать подняла распятие и рывком ткнула его чуть не в физиономию отцу. Последний шанс.

И вот именно тогда это произошло. Петер так и не закричал – не успел. Его поразила немота. Отец отпрянул, будто исходившая от распятия волна гнева и сострадания ударила его в грудь. Молоток упал. Отец пробормотал что-то невнятное, повалился навзничь, ударился головой о край журнального столика и так и остался лежать, мотая головой, будто отрицая то, что только что произошло. Мать с трудом переползла пару метров по полу и схватила молоток.

– Убей его, убей его, мама... – лихорадочно и почти беззвучно шептал Петер. Но сил у матери хватило только на то, чтобы зашвырнуть молоток под диван. Она потеряла сознание и лежала неподвижно, прижимая к груди простенькое деревянное распятие. Петер бросился к матери и обнял. Кто знает, показалось или нет, но он ясно почувствовал исходящее от распятия странное тепло.

Отец встал, молча поглядел на Петера, на распятие, проглотил слюну и ушел, хлопнув дверью так, что в шкафу зазвенела посуда.

В ту же ночь Петер и мама поехали на такси в полицию, в отдел семейного насилия. Им выделили засекреченную от родни квартиру, и началась другая жизнь. Но в ту ночь Петер поверил в Бога.

Он обошел машину, воткнул вешку и вдруг почувствовал запах крови. Его мать в ту ночь пахла кровью. Кровь текла из носа, текла и не хотела остановиться. Лицо и руки тоже были в крови, уже свернувшейся. В такси он прижимался к матери, и запах ее крови врезался в память на всю жизнь.

Мама...

Он раздраженно смахнул навернувшуюся слезу, посмотрел на машину и напряг грудные мышцы.

Попробуй только. Только попробуй.

Он поверил в Бога, когда ему было семь, а перестал верить в одиннадцать. Никаких иллюзий не осталось.

Петер решительно подошел к машине, завел мотор и ехал, пока вешка была еще заметна в зеркале заднего вида. Когда она почти исчезла, он остановился, воткнул новую вешку и поехал дальше.

* * *

Еще семь вешек, еще километр. Леннарту и Улофу пришлось в очередной раз ждать, когда остынет мотор.

– Попрохладнее стало. Или как?

– Да... ты сказал, и я вроде заметил. Попрохладнее.

Вешки... Отсюда видны четыре штуки. Можно было бы ставить пореже. Но, как говорится, береженого Бог бережет. Леннарт встал на одно колено, пригляделся и довольно кивнул – идеально прямая линия. Уж делать – так делать.

– Человек сам создает свое пространство, – задумчиво сказал он.

– Вот как, – удивился Улоф. – Хорошо бы, ты еще и объяснил.

Леннарт кивнул на ряд вешек.

– Мы как забор ставим. Есть у человека земля... ну и что? Поверхность. И больше про нее ничего не скажешь. А поставил забор – совсем другое дело. Теперь это его земля.

– Это да... что да, то да. Но тут вот какой вопрос – зачем он ставит забор? *Отгораживается* или *загораживается*? Что ему охота закрыть – вход или выход? Кстати, и заборы разные...

– Правильно... точно ты сказал: отгораживается или загораживается. А это-то... – он опять кивнул на вешки. – Это и забором не назовешь.

– Что да, то да... не назовешь.

Они довольно долго молчали, погруженные в собственные размышления. Улоф долго смотрел на пустое небо, а Леннарт опустил голову и разглядывал стриженую траву под ногами.

– Когда Ингела-то сбежала... – сказал Улоф, – я за скотиной ходил, и все такое... думаю, три дня ничего не жрал.

– И я... Агнета исчезла, и я тоже... А потом жрач напал. Ем, ем, наестся не могу. А вкуса никакого.

– А я пиво пил. Так и держался...

– На пиве долго не продержишься.

– Не... на пиве долго не продержишься.

– Скверная привычка.

– Еще бы не скверная... а что делать? Я вроде как потерялся. Все так же, и все по-другому. Потерял ориентацию.

– Да... чужое все.

– Именно. Чужое. Кошку погладишь, и кошка как чужая.

– Ну да... Все не так. Из рук валится.

Оба замолчали. Улоф еще раз посмотрел на вешки и помигал от напряжения глаз.

– Странный разговор мы затеяли.

– Чем это странный?

– Кто его знает. Может, и не странный. Необычный.

– Хорошо, что поговорили.

– Что ж плохого? Я тоже думаю – хорошо.

Леннарт присел на корточки и погладил траву рукой, потом поковырялся в земле, растер щепотку между пальцами и печально покачал головой.

– Не подарок земляца, или как? – спросил Улоф.

– Да уж... не подарок. Но влажная, как ни странно. – Леннарт поднял руку, понюхал, сморщился и растерянно глянул на Улофа. – Понюхай.

Улоф наклонился, потянул носом воздух и поднял голову. Вид у него был не менее смущенный. Понюхал еще раз. Видно было, что запах ему знаком.

– Ты же работал на бойне когда-то, – Леннарт пристально посмотрел на друга. – Тебе лучше знать.

– Ты прав, – кивнул Улоф.

– Кровь?

– Кровь.

Леннарт высыпал землю на траву. Долго и брезгливо оттирал руки от прилипших комочков.

– Что ж... вот, значит, чем питается травка... Теперь хоть это ясно.

* * *

Молли продолжала рисовать. Изабелла села напротив со старым, но не потерявшим глянец номером «Смотри и слушай». Почти весь выпуск состоит из снимков папарацци, посвященных задницам известных женщин. С разной степенью увеличения, под разными углами. Без ретуши – целлюлит и ананасная кожа во всей своей неприглядности. Конечно, у нее с этим все в порядке. Хотя тургор с годами немного уменьшился, но до этих павианьих жоп еще далеко.

И что? Какой смысл? Кто-то поднимается по купальным лесенкам на борт стометровых прогулочных яхт и загорает у берегов Флориды, а кто-то сидит в сарае на колесах, где нет даже вонючего печенья «Балерина», чтобы утолить голод? Почему так получается?

Ответ прост. Ответ сидит напротив Изабеллы, склонив головку... златокудрую головку, поправила она себя, усмехнувшись. Сидит и трет черным фломастером по бумаге...

Внезапно Молли подняла голову и спросила:

– Мам, а человек может жить без кожи?

– Что это за вопрос?

– Если снять кожу... человек может жить без кожи или нет?

– Почему ты спрашиваешь?

– Мысль пришла... если взять, ну, знаешь... картофелечистку...

– Кончай! – резко сказала Изабелла.

Молли пожала плечами и углубилась в рисунок.

Иной раз дочь кажется ей совершенно чужим человеком, а подчас между ними возникает взаимопонимание такой пугающей силы, что напоминает телепатию. Изабелла рассматривала некрасивые ягодицы воображаемых соперниц в борьбе за купальную лесенку, и вдруг ей вспомнились последние кадры из «Мучениц» – содранная кожа. Может ли быть случайностью, что Молли буквально через пару секунд задала этот странный вопрос?

Может быть, это как-то связано с тем, что произошло в Брункебергском туннеле? Но Молли тогда было всего два года. Вряд ли она что-то помнит.

Говорит, что не помнит.

Они жили тогда на четвертом этаже на Биргер Ярлсгатан, в четырехкомнатной квартире. Петер уехал на сборы и должен был вернуться через три дня. Изабелла пила кофе с приятелями в кафе «Сатурнус» или шла поесть ланч в изысканный «Стурехоф». Куда бы она ни пришла, на нее со всех сторон сыпались комплименты – ах, какая у вас очаровательная девочка! Потрясающий ребенок!

Она не жалела сил, чтобы принарядить Молли для этих прогулок. Молли сидела в легкой трехколесной коляске, напоминающей беговую, а Изабелла играла роль молодой и гордой мамы. Она совершенно точно знала, что от нее ждут, и лепила образ в соответствии с ожиданиями.

Но по вечерам дома ее охватывала паника. Ксанор помогал только временно. Молли была сложным ребенком: у нее то и дело возникали приступы ярости, когда она брыкалась и крушила все вокруг себя и при этом кричала так, что у Изабеллы звенело в ушах и она с трудом боролась с нелепыми импульсами: сунуть Молли в стиральную машину или шваркнуть о парадную, с лепным фризом стену.

Она жила не своей жизнью. Она жила жизнью, которая ее тяготила: окружение казалось фальшивым и бессмысленным. Изабелла всей душой проклинала себя за глупость: с чего она решила, что ребенок поможет ей избавиться от чувства одиночества?

От одиночества никуда не деться. Это она поняла давно. На шикарных раутах, где рекой льется шампанское и она в центре мужского внимания, в пентхаузах, на широченных кроватях с балдахинами, куда она приходила в надежде через постель обрести кого-то, кто поможет ей избавиться от чувства, что кожа ее – непробиваемая скорлупа, отделяющая душу от всего живого.

Ребенок... Ей казалось, что ребенок – само собой разумеющееся средство от одиночества. И во время беременности была почти счастлива. Но когда Молли родилась, почти сразу между ней и девочкой начала расти стена... в конце концов, что такое ребенок? Никакого волшебства. Еще одно человеческое существо в этом и без того перенаселенном мире. Ни больше ни меньше. К тому же постоянно требующее внимания и ничего не дающее взамен. Это было ошибкой – рожать.

Хуже всего было, когда Молли спала, а Изабелла, не находя покоя, бродила по квартире из угла в угол. Останавливалась перед репродукцией «Герники» и не двигалась с места – полчаса, час, изнемогая от рвущей душу тоски.

В один из таких дней Молли проснулась в полдесятого вечера, и унять ее было невозможно. Изабелла в то время чувствовала себя особенно скверно, и, как ни странно, в этом захлебывающемся детском бунте содержалось некое утешение, вполне конкретное и замечательно рифмующееся с ревущей тоской у нее в душе.

Она взяла Молли на руки и начала обход квартиры, комнату за комнатой, потихоньку напевая все известные ей колыбельные мотивы.

Ничто не помогало.

На пятом круге взгляд ее упал на газовую плиту и толстую пачку приготовленных на выброс старых газет. А что, если зажечь все конфорки, швырнуть на них газеты и, как Юнатан в «Братьях Львиное сердце», выброситься из окна с Молли в объятиях? Красивая смерть... Мысль была так соблазнительна, что ей пришлось пару раз боднуть дверцу холодильника, чтобы прийти в себя.

В таких случаях помогало только одно, и то не всегда. Она одела кричащую и отбивающуюся дочь, схватила коляску и вызвала лифт. Крик Молли отдавался невыносимым эхом по всем лестничным площадкам.

На улице она посадила Молли в коляску, пристегнула и пошла по Биргер Ярлсгатан. Стоял сентябрь, было уже темно. Впереди призывно сиял Стуреплан, неизменная тусовка золотой молодежи, но Изабелла охотнее дала бы грязному хряку, чем показала свою дочь в таком состоянии. Очаровательную крошку, настоящую принцессу...

Миновала кинотеатр «Зита». Люди оглядывались на заходящуюся в крике Молли и пожимали плечами. Изабелла втянула голову в плечи и ускорила шаг. Люди, черт бы их всех побрал, повсюду люди... Недоуменные, осуждающие, унижительные взгляды. Чтобы прекра-

тить публичную демонстрацию издевательства над ребенком, она свернула на Туннельгатан и пошла к Брункебергскому пешеходному туннелю, где, как ей показалось, людей вовсе не было.

В первый момент Изабелла выдохнула с облегчением: здесь и в самом деле было пусто. Туннель освещен, замкнутая перспектива, поскрипывание коляски... все было бы замечательно, если бы не Молли. Она дергалась и истошно вопила. Изабелле показалось, что гранитные стены сдвинулись, чтобы ловчее перебрасываться оглушительным, апокалиптическим эхом. Через несколько секунд Изабелла поняла, что близка к помешательству. Она остановилась посреди туннеля и медленно отняла ладони от ручки коляски. Несколько раз сжала и разжала пальцы, повернулась на каблуках и с опущенными плечами пошла назад.

Не успела она сделать и десяти шагов, как крик за спиной внезапно прекратился. Она, не оглядываясь, прибавила шаг. Изабелла шла все быстрее и быстрее, и с каждым шагом с плеч ее будто медленно сыпалась, оседая на выложенный плиткой пол, чудовищная, невыносимая тяжесть. На выходе из туннеля она выпрямила спину и шла, будто надышавшись веселящим газом, – легко и даже вприпрыжку.

Томас, знакомый швейцар в баре «Шпион» на Стуреплане, провел ее через задний ход. Изабелла проскользнула в зал, подошла к стойке и заказала тройной виски. Выпила одним духом и попросила повторить.

Кто-то с ней заговорил, и она поддержала разговор. Потом подошел другой парень. Она шарила глазами по залу, искала, кого бы снять. Наверное, выбор в VIP-зале получше, но туда попасть нелегко – зависит, кто дежурит.

На нее накатила волна эйфории, хотелось смеяться и танцевать. Какой чудесный вечер... мешала уже давным-давно впитавшаяся чуть ли не в скелет модель поведения. Она постаралась унять бурлящее веселье. Сидела и с деланным равнодушием поглядывала по сторонам.

И только когда она выпила до дна и заплатила за второй стакан виски, до нее начало доходить. Реальность провела ледяными пальцами по спине и начала бормотать в уши что-то невнятное.

Прошло больше часа, как она оставила свою малолетнюю дочь одну в туннеле.

Что я наделала?!

Она, покачнувшись, встала и огляделась, чувствуя, что глаза отстают от движения головы. Какие-то темные тени мелькают в приглушенном свете, то и дело взрывается отвратительный, порочный смех, молниями вспыхивают белые, точно покрытые фосфором зубы. От тел вокруг нее густо поднимались испарения подавленного страха и извращенной похоти.

Изабелла вышла из бара, бросилась, не дожидаясь светофора, через улицу, и ее оглушил отчаянный вой автомобильного сигнала – чуть не угодила под такси. Время съезжилось в комочек – прошло больше часа, но она даже не сомневалась, что вот сейчас она войдет в туннель, возьмется за ручку коляски и покатит притихшую Молли домой. Способность рассуждать сузилась до тонкой ниточки, на одном конце которой была она, на другом – Молли.

Ниточка эта лопнула, когда она увидела, что туннель закрыт и свет за стеклянной дверью погашен. Она начала дергать дверь, кричать: «Молли, Молли!»... прижалась лбом к двери и пыталась что-то разглядеть в непроглядной темноте. Побарабанила в дверь кулаками и, обессилив, села на асфальт, опершись спиной о стекло.

Изабелла? Изабелла? ИЗАБЕЛЛА! Думай!

Они ни за что не погасили бы свет, не проверив, не остался ли кто-то в туннеле. Мало ли кто – пьяные, наркоманы, заигравшиеся дети... Значит, кто-то заметил брошенного ребенка и отвез девочку... куда? В полицию? Разумеется, в полицию.

Полиция...

И что она скажет? Вполне может быть, что за такие поступки есть статья в Уголовном кодексе. Что-нибудь вроде «неоказания помощи», «преступной халатности»... мало ли что там есть, в Уголовном кодексе. К тому же она пьяна. Можно и в тюрьму угодить. Молли у нее

точно отберут... Так не пойдет. А даже если и не отберут – ее дикая выходка превратится в главную новость дня. Все начнут указывать пальцем. Потенциал сплетен неисчерпаем. Все от нее отвернутся.

Эта та, что бросила своего ребенка... какое бессердечие... ужас, просто ужас... всегда чувствовала: что-то с ней не так.

Она с трудом собралась с мыслями, встала и прочитала вывеску. Туннель открыт с семи утра до десяти вечера. Значит, его закрыли буквально через несколько минут после того, как она оставила там Молли.

Кто-то ее похитил.

Звучит правдоподобно. Повторила вслух:

– Кто-то ее похитил. Я хотела только... встретила знакомого у «Зиты». Десять секунд, не больше. Повернулась – а коляски нет.

Изабелла несколько раз, с трудом сдерживая шаг, прошла вперед-назад по Биргер Ярлсгатан, проверяя и шлифуя версию. Когда все элементы пазла встали на свои места, набрала 112. Пока разговор переключали из одного подразделения в другое, она искусала до крови ноготь на указательном пальце. Становилось все труднее дышать. Больше всего ей хотелось упасть на асфальт, прямо здесь – упасть и заснуть.

Время шло к полуночи. Молли не было в одном из ближайших отделений полиции.

– Но где-то же она должна быть! – закричала она в трубку.

– Говорит дежурный Норрмальмского отделения полиции. Оставайтесь там, где вы находитесь. Сейчас подъедет патрульная машина, вы дадите подробное описание девочки и еще раз расскажете, как все произошло. А сейчас не могли бы вы еще раз...

Изабелла нажала кнопку отбоя. Она уже начала путаться в показаниях. С трудом подавила позыв на рвоту. Толпа ищущих развлечений на Биргер Ярлсгатан не убывала. Она свернула на Туннельгатан – там потише. Прислонилась к перилам, посмотрела на вход в этот проклятый туннель, и ее точно ударило током.

Там, за дверью, стояла Молли. Прижалась к стеклу носом и руками и, не мигая, смотрела на мать.

Изабелла судорожно проглотила слюну.

– Молли... девочка моя... Прости меня, малышка... Они скоро приедут, не бойся. Я никуда не уйду, буду здесь сидеть, пока они не приедут.

Молли смотрела ей прямо в глаза. Выражение лица не изменилось – в нем не было ни страха, ни радости, ни злости. Постояв так с минуту, она отлепила руки от стекла, повернулась и пошла в глубь туннеля. Через несколько секунд ее светлая курточка растворилась во мраке.

Изабелла начала колотить ладонями по непроницаемому, скорее всего, пуленепробиваемому стеклу:

– Молли! Молли!

Она билась в истерике, пока не подъехали полицейские. Они открыли туннель и выкачали Молли, которая, оказываясь, как ни в чем не бывало уселась в свою трехколесную коляску.

Изабелле, конечно, повезло, что она увидела Молли за стеклом: иначе как бы она объяснила требование открыть туннель? Откуда ей знать, что девочка в туннеле?

И надо же – есть правило: туннель проверяют перед закрытием. И свет не гасят. Несколько нелепых совпадений – временный охранник, так называемый летний викарий, нечетко знающий правила, и еще что-то там с щитком предохранителей. И еще более ошеломляющее совпадение – подумайте только! Ее ребенка похитили как раз в тот день, когда мало того что туннель не проверили, еще и случилась обесточка.

Вся эта цепочка случайностей и привела к тому, что Молли провела почти два часа в темном, наглухо запертом туннеле.

Что девочка чувствовала, что передумала – Изабелла так никогда и не узнала. Но ее истерики и вспышки ярости с тех пор прошли. Как рукой сняло – беспричинные скандалы прекратились.

Петер, приехав со сборов, удивился – какие перемены к лучшему! Ее не узнать!

Перемены – да, но к лучшему ли? Уверенности не было. Конечно, приятно выспаться как следует ночью, но далеко не так приятно проснуться и увидеть, что Молли стоит у твоей кровати и смотрит все тем же странным, немигающим взглядом, каким смотрела из-за дверей туннеля. Конечно, замечательно, что она не липнет к ноге часами... но странно и беспокоит, что вместо этого она забирается в гардероб, сидит там часами и что-то бормочет. Постепенно прошло и это; она стала похожа на других детей... похожа, но не совсем. В ней было какое-то неестественное, пугающее спокойствие, и это спокойствие обеспечивало ей роль безусловного командира среди четырех-пятилеток. Они послушно выполняли все ее приказания. Если бы она велела им есть гравий, они бы покорно набивали рот камнями.

* * *

В пучке осталось только пять вешек. Стефан остановил машину. Посмотрел на Эмиля, но тот покачал головой и молча протянул вешки отцу.

– Что с тобой, малыш? Молчишь и молчишь, как в рот воды набрал.

– Ничего.

– Хочешь выйти и поставить вешку?

Мальчик молча помотал головой.

Эмиль не хочет ставить вешки. Он вообще не хочет выходить из машины, пока они не вернутся в лагерь. Там, снаружи, опасно. Может быть, и в машине не совсем безопасно, но все равно спокойнее.

А когда вернуться? Что делать дальше?

Мама наверняка уже обнаружила, что они с Молли сделали с газовым шлангом. Наверное, это очень плохой поступок. Эмиль не очень понимает, почему такой уж плохой, но ясно чувствует: мама рассердится. Именно поэтому он попросился поехать с папой.

Молли отрезала шланг у себя и заставила Эмиля сделать то же самое в папином кемпере. Зачем он это сделал? Знал же – ничего хорошего... лучше об этом не думать.

Эмиль достал с заднего сиденья бинокль, накиннул ремень на шею и поднял к глазам. Очень дорогой бинокль, специально для наблюдения за птицами. Папа говорит, это самая дорогая штука из всех, что у него есть. Если еще ко всему прочему и бинокль сломать – будет настоящая катастрофа.

Покрутил, как учил папа, колесико наводки на резкость. Только не на что наводить – все одинаково зеленое и голубое.

Или?

Очень медленно, по миллиметру, Эмиль покрутил колесико, пока фигура не стала более или менее четкой.

– Папа! Папа!

Папа заглянул в открытое окно.

– Что?

– Там, смотри!

Эмиль двумя руками осторожно – все-таки через окно, не из рук в руки, как бы не уронить – передал бинокль отцу. Тот взял бинокль и недоверчиво посмотрел на сына.

– Там человек!

Стефан улыбнулся и приложил бинокль к глазам, а Эмиль, чуть не подпрыгивая от нетерпения, дирижировал.

– Вон там! Нет, не там! Ты посмотри, куда я показываю!

Невооруженным глазом почти ничего не видно. То ли кажется, то ли и в самом деле микроскопическая точка на горизонте.

Но теперь и папа увидел. Если бы не увидел, не застыл бы с биноклем в руке, как в игре «замри».

Эмиль положил подбородок на раму окна и ждал, что скажет отец.

Папа опустил бинокль и сделал что-то непостижимое. Он *бросил* бинокль на заднее сиденье. Даже не бросил, а *швырнул*.

Рывком открыл дверь, сел за руль и развернул машину.

– Ты видел? Это кто такой?

– Ничего я не видел. Мы едем домой.

– Как? – У Эмиля в голосе зазвенели слезы. – Там же кто-то был! Ты же сам видел!

Эмиль повернулся было за биноклем, но отец сжал его руку так сильно, что рука онемела. Первый раз в жизни. Папа никогда так не делал.

– Оставь бинокль в покое, – хрипло сказал папа и двинулся вдоль вешек в обратный путь.

Эмиль откинулся на сиденье и потерял руку. Комок в горле был так велик, что он даже не мог заплакать. Почему папа говорит неправду? Он же тоже видел эту фигуру.

Совершенно белая фигура. Эмиль знает, что опасность может подкрасться неожиданно, на пустом месте, но незнакомец вовсе не показался ему опасным. Похож на большую куклу.

А папа так больно схватил его за руку...

Очень плохой. Ужасный день.

* * *

Изабелла посмотрела, как Молли лихорадочно чертит фломастером по бумаге, и вспомнила то чувство внезапной, опьяняющей свободы, когда она, глядя на фехтующую руками и ногами и истошно орущую дочь, отпустила ручку коляски. Сплошные совпадения...

Иногда, когда она лежит ночью без сна, ей кажется, что в мире вообще нет случайностей. Во всем есть смысл. Додумать мысль до конца не удалось ни разу. Что значит – нет случайностей? Что значит – смысл? Она даже не знает, как оттолкнуться от этого утверждения: *во всем есть смысл*. О чем думать дальше. И, если честно, рада, что не знает.

В дверь постучали.

Изабелла терпеть не могла неожиданных посетителей. Хочешь зайти – предупреди. Но сейчас она даже с радостью пошла к двери – не надо вспоминать и пережевывать в тысячный раз то, что она охотнее всего хотела бы забыть.

На пороге стояла жена того типа в уродливых очках.

– Привет.

– Да... привет, – энтузиазм Изабеллы пошел на убыль.

Жена очкарика окинула взглядом кемпер, кивнула Молли и понизила голос:

– Не могли бы вы выйти на секунду?

Изабелла спустилась по лесенке.

– Мы даже не познакомились. Меня зовут Карина.

Изабелла пожалала протянутую руку. Коротко постриженные ногти, сухая, грубая кожа.

– Изабелла.

– Я хотела спросить... у вас газовая плита работает?

– Нет. А что?

– И у нас не работает. А вы не пробовали разобраться почему?

– Такими вещами занимается мой муж.

Карина посмотрела на нее подчеркнуто долгим взглядом.

Еще бы ей не смотреть долгим взглядом. Эта Карина – ну просто идеал современной женщины. На все руки мастер, ни в каких опекунах мужского пола не нуждается.

– Давайте проверим ваш баллон.

Изабелла пожалала плечами. Не то чтобы она презирала Карину в той степени, как та, несомненно, презирает ее, но ей было невыносимо скучно. Если бы Карина была фильмом, Изабелла давно бы заснула.

Карина уверенным шагом обошла кемпер. Изабелла неохотно двинулась за ней, пытаясь представить психологию женщины, носящей шорты при такой обширной заднице и жирных ляжках...

Когда Изабелла подошла, Карина уже успела снять крышку с ящика с газовым баллоном.

– Посмотрите. Здесь должен быть шланг, подающий газ в кемпер.

– Вот как... И?

– Шланга нет.

– Вижу. – Изабелла вновь равнодушно пожалала плечами. – Ну и что?

Намеренно хамская интонация. Карина поджала губы. Изабелла с внезапно возникшим интересом наблюдала за ее мимикой – что будет дальше? Ляпнет какую-то грубость, попытается вывести Изабеллу из состояния презрительного равнодушия? Или удержится?

Она, Изабелла, конечно, прекрасно знает, как работает газовый баллон и откуда в кемпере берется газ. Ей пришлось освоить нехитрую систему сразу, как только она в первый раз осталась наедине с этой чертовой душегубкой. И, конечно, она увидела, что шланга нет, еще до того, как Карина чуть не ткнула ее носом. Сейчас важнее другое – закрыт ли вентиль баллона.

Карина решила ничего не говорить. Покрутила розетку вентиля. Раздалось шипение, и она тут же повернула розетку назад.

– Газ у вас есть. Но без шланга от него никакой пользы.

– Вот как... подумать только...

Глаза Карины потемнели. Она подошла к Изабелле вплотную – может, и не следовало этого делать: Изабелла была чуть не на два дециметра выше, и пришлось смотреть на нее снизу вверх.

– Послушайте... с вами разговаривать бессмысленно. Я бы к вам не подошла и за километр, но... я почти уверена, что это дело рук вашей дочери. И я хочу, чтобы мне вернули шланг.

– Моя дочь все время была дома.

– Нет, не была. Не все время. Она играла с моим сыном.

– Вот как... значит, скорее всего, ваш сын и обрезал шланги.

Изабелла заметила, как сжались и разжались кулаки у этой бабы, будто она хочет ее ударить. Вот это было бы интересно. Да нет... интересно то, что будет дальше... Рухнет навзничь? Или успеет схватить ведьму за волосы и размазать ей морду о дюралевую стенку кемпера? Более вероятен первый вариант. Куда более вероятен.

– Мой сын... – сказала женщина, едва шевеля губами, будто челюсти свела судорога. – Мой сын на такое не способен.

– То есть вы хотите сказать, что моя дочь на такое способна?

– Можете с ней поговорить, – Карина впилась глазами в Изабеллу. – Я зайду попозже, – сказала она с плохо скрытой угрозой внезапно охрипшим голосом.

Изабелла без труда выдержала этот ничего хорошего не предвещающий взгляд. Нос у Карины короткий и плоский, так что многого тут не достигнешь, даже если впечатать эту наглуую рожу хоть в бетон, а вот зубы... зубы выдаются вперед, хруст будет что надо.

Она склонила голову набок и улыбнулась своим мыслям.

Карина, не оглядываясь, пошла к своему кемперу. Не надо быть психологом, чтобы даже со спины, по походке, понять, в какой она ярости. Но не только гнев, что-то еще... Страх? Да, наверное, страх...

Краем глаза Изабелла заметила голову Молли в окне. Подслушивала...
Само собой.

* * *

Бенни лежит в своей корзинке и наблюдает, как по полупрозрачной стене палатки передвигается тень Кошки. Длинный хвост... нахалка. Совершенно обнаглевшее существо. Мало того что влезла на чужую территорию – потерлась о стойку палатки и двинулась к входу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.